

ВЛАСТИЛИНА
БОГАТОВА



СБЕЖАВШАЯ
НЕВЕСТА ДРАКОНА
МУЖСКОЙ ФАКУЛЬТЕТ

Властилина Богатова

Сбежавшая невеста дракона.

Мужской факультет

«Литнет»

2024

Богатова В.

Сбежавшая невеста дракона. Мужской факультет / В. Богатова —
«Литнет», 2024

Притвориться парнем?! На что только не пойдёшь ради того, чтобы избежать брака с врагом семьи! А ведь жила себе в изгнании, не жаловалась... Всё метка истинности виновата, из-за которой мне пришлось пойти на контракт с ведьмой. В качестве платы мне досталась опасная магическая способность, которая открыла путь в Академию аристократов, где никто не должен узнать мой секрет! Особенно он — мой истинный, дракон, обещавший все известные кары! Есть буктрейлер (смотрите во вкладке возле аннотации)

© Богатова В., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

1.	5
2.	15
3.	22
4.	32
5.	42
6.	52
7.	61
8.	69
Конец ознакомительного фрагмента.	74

1.

Кристан

Метка истинности перечеркнула всю мою жизнь.

Со стороны комнаты, где находились мужчины, была просто картина. Никто из них не догадывался, что в их собственном родовом замке находилась я.

Сюда я проникла через астрал. Знаю, рискованно, но у меня не было иного выбора.

Ещё вчера на мне появилась метка, которая означала, что мне предстоит стать женой наследника северных земель — злейших врагов нашего семейства Фарингрейвов, чьё имя славится кровавыми делами.

Я здесь потому, что жизненно необходимо знать, не стану ли я очередной жертвой проклятого рода. Или это их план вот так отомстить моей семье, прикончив меня прямо на брачном ложе, перед этим вдоволь надругавшись?

— Ты меня выдернул из академии только по этой причине? — в голосе молодого дракона слышались нотки раздражения и стали. Если опустить мою неприязнь, голос был приятным, немного грубым, но обладающим некоей подкупающей силой.

— Речь идёт о твоём будущем, — другой мужской голос, тяжёлый, в нём гудели матёрость и опыт. — Отнесись к этому серьёзно.

— Ты пытаешься положить в мою постель отребье, чей род я бы хотел похоронить. Я более чем серьёзен, иначе меня бы здесь не было.

Жёсткие слова полоснули холодным лезвием, сердце ухнуло в ледяную бездну. Значит, предчувствие беды не обмануло, моя жизнь загублена, если я попаду к нему.

Пальцы похолодели, а страх сковал тело. Проклятая метка, если бы не она, я бы больше никогда не сталкивалась с этими драконами.

Разговор замер на месте, словно время остановилось. Заглянула в щель, чтобы посмотреть на того, чьи слова отравляли каждый мой вздох.

В огромной, богато обставленной гостиной в глубоком кресле сидел мужчина.

Я узнала Фарингрейва-старшего, чей портрет много раз видела в сводках газет и на общих портретах влиятельных родов столицы. Породистый нос, волевой подбородок, густые чёрные волосы зачёсаны назад, гордая посадка головы, глубокие тени подчеркивали суровость черт лица, от него исходили уверенность и власть.

Свет тлеющего камина выхватывал из тьмы атлетическую фигуру другого мужчины. Несомненно, этот дракон находился в хорошей форме. Опершись бедром о стену камина, скрестив руки на груди, он выглядел будто немного усталым. Чёрные брюки на узких бедрах выделяли его длинные ноги, под шелковой черной рубашкой скрываются рельефные мышцы.

В этот момент он повернулся, и мне открылось его лицо. Точнее, нижняя часть, подбородок и скулы могли показаться грубоватыми и резкими, если бы в уголках чувственных губ не притаилась холодная ухмылка.

Дракон выглядел гораздо моложе, чем на копиях портретов, распечатанных в типографии. Больше я нигде не смогла раздобыть более свежих снимков: как выяснилось, он не любил публичные выступления и редко показывался на общих светских мероприятиях за последние пять лет.

— Не я, а род, который посчитал, что из всех женщин подходит по совместимости с твоей магией именно она, — властно продолжил лорд, глянув на наследника тяжёлым взглядом, который вгрызался в душу. — И меня тоже это не устраивает, но придётся стиснуть зубы. Твоё будущее заключается не в личных предпочтениях.

Молодой мужчина вскинул голову, в тени его глаза яростно вспыхнули.

— То, что ты называешь будущим, для меня — не более чем ловушка, запутанный лабиринт чьей-то политики.

— Жизнь часто преподносит нам испытания. Чем быстрее ты поймёшь это, тем легче тебе будет. Твоя семья рассчитывает на тебя. И я тоже, — голос стал резче и холоднее.

— Уверен, это ошибка.

— Род не ошибается. Она твоя истинная, я не хочу скандала на этой почве, сейчас необходимо соблюдать традиции. Я тоже когда-то был вынужден жениться на твоей матери... — Фарингрейв смолк, но тут же продолжил: — Ты можешь не переживать, эта девчонка целомудренная, как монашка, она не будет тебе докучать или мешать заводить на стороне любовниц и иметь связи с другими женщинами.

— Понятно, значит, с ней будет сложно. Когда эта традиция истинности канет в реку? Кому они нужны, уже все забыли, что такое истинность, сейчас другие ценности и интересы, — дракон явно злился больше.

— Пока монарх на троне, империя будет поддерживать свои традиции и обычаи, — отвечал собеседник с непоколебимой уверенностью. — Эти ценности закалены веками, и они являются фундаментом светского общества, даже если некоторым семьям это уже не по душе и у них есть личные разногласия.

— Не имею представления, как спать с нищенкой. Скажи, что это шутка.

В груди опалила ярость. Кто бы говорил! Фарингрейвы убили моего отца! А тот слух, что мама любила этого летающего гада Фарингрейва, а пришлось выходить за моего отца?! Абсурд.

— Не спорь, — отрезал мужчина. — Она будет в твоём распоряжении, по-моему, это лучшая возможность отыграться, ты можешь делать с ней всё что хочешь.

— Не сомневайся, она пожалеет, что на свет родилась, — процедил молодой дракон, хотя все еще с видимым раздражением. — Сделаю так, как ты говоришь. Но не рассчитывай, что я буду доволен этим решением.

В темноте я схватилась за опору, не в силах держаться на ногах.

— За что мне это всё? — произнесла тихо. Чем я провинилась, что мой истинный сущий монстр, который жаждет меня убить?

Ком обиды подкатил к горлу, хотелось плакать.

— Я и не рассчитываю, — ответил старший. — Только не забывай, что, сделав ей больно, ты будешь делать больнее себе, вы связаны, — усмехнулся.

— Где её хоть искать? Их последний раз видели несколько лет назад.

— В Гленфорде, они там.

Воцарилась тишина, в которой раздался мой грохот сердца и шелест. Мужчина поднялся с кресла. Два летучих чудовища, один молодой и гибкий, а другой массивный и матёрый.

— Мне нужно идти, а после обсудим детали по поводу твоей женитьбы.

Фарингрейв ушёл.

Я хочу немедленно убраться отсюда! Но не могла оторвать полного испуга взгляда от молодого мужчины, который замер словно скала. О чём он думает? Может, уже выстраивает в голове план мести? Или мысленно убивает меня? А может, решает избавиться от меня до свадьбы? Он сказал, что я пожалею. Стало по-настоящему страшно. И вместе с тем хотелось узнать, что сейчас в его взгляде. И что-то подсказывало, что там залегли навсегда ледяные айсберги. Он никогда не примет меня.

В горле встала горечь от этого осознания.

Дракон внезапно повернул голову туда, где притаилась я, и показалось, что он смотрит ровно мне в глаза.

Я испуганно, отпрянула от полотна и прижалась к стене.

Секунда-другая, ничего не происходило. Совладав с дыханием, я осторожно прильнула к полотну обратно.

Но... дракона уже не было на месте.

Кресло пустое, возле камина никого. Мелькнуло желание выйти в гостиную, но тут же отменяла эту затею: слишком рискованно появляться в поле зрения дракона.

Находиться здесь стало опасно.

Покинув холодную комнату, быстро шагнула в коридор. И отшатнулась обратно, прижавшись к стене, едва не ткнувшись в грудь поджидающего меня дракона, который незамедлительно шагнул вслед за мной, загоняя в ловушку.

Сердце ухнуло куда-то в пропасть, меня бросило в дрожь, не знаю, каким чудом я не вскрикнула, что могло создать определённые вибрации. Застыв от ужаса, медленно поднимая взгляд вверх по сильной шее, уже знакомым чертам лица, линии твердого подбородка, красивым мужским губам, что были так близко, и холод сменился палящим жаром.

На гладкий лоб падали черные с фиолетово-пурпурным отливом стриженные волосы, прикрывая излом черных бровей. Его глаза на бронзовой коже хищно смотрели на меня сверху из-под чёрных ресниц, радужки совершенно чёрные, обсидиановые, блестели вулканическим стеклом, под которым вовсе не айсберги, а кипящая лава в двух вертикальных прорезях алого цвета вместо чёрных зрачков. Страх и восхищение смешались в один клубок.

“Он видит меня?” — загрохотала в теле паника.

— Ну и кто же этот смельчак, который прислал сюда свой астрал? — раскалывает тишину ледяной тон, а глаза въедаются в мой фантом.

— Как ты сюда попала? Настолько смелая или глупая? — обсидиановые глаза мечут молнии, а лицо искажается гневом.

Нет, не может быть! Как он меня заметил?

Жмусь к стене, как если бы я физически находилась в этой комнате. Сердце едва не оборвалось, когда он попытался зацепить мой подбородок.

— Кто бы ты ни была, я тебя найду, — угрожающе пророкотал он.

...Влажный хлопок по лицу выдернул меня из астрала. Я вздрогнула и в ошеломлении распахнула глаза, испугавшись. Не знаю, чего больше: неожиданного удара или взгляда дракона.

— Опять спишь, лодырь! Сколько можно?! — Марла яростно бросила на пол ушат с водой, тот грохнулся рядом, холодный поток окатил от груди до ног, рабочее платье промокло до нитки.

— Надоело! Напишу жалобу на тебя, вылетишь отсюда как пробка, надоело делать за тебя лишнюю работу!

— Прости, я сейчас, — пробормотала я и попыталась подняться с пола, цепляясь за край стола.

На самом деле я не спала, но со стороны могло показаться иначе.

Вытерла рукавом мокрый след со щеки, взялась за ручки ушата, но пальцы проняла дрожь, и я не смогла его сразу поднять: чтобы отойти от астрального путешествия, нужно для начала прийти в себя.

— Сегодня можешь уйти раньше, я сама всё доделаю, — как могла поторопилась я, выжимая подол, но Марла, кажется, всё заметила: и мой расфокусированный взгляд, и дрожащие пальцы и голос.

— Странная ты, — фыркнула она, уперев руки в полные бока. — В детстве головой, что ли, повредилась? Или родилась такой?

Конечно, она понятия не имеет что я обладаю астралом и магическим даром путешествовать в нём. И пусть я с детства приспособилась к выживанию, родилась я в другой среде, где окружали меня люди с разными способностями и даром. Выросла я в мире, где магия была не просто причудой, а важной частью повседневной жизни. Мои родители — могущественные

маги, отец состоял в совете при королевском дворе и имел общие корни с династическим кланом.

Полнота не мешала девушке быть подвижной, серое прачечное платье на рыхлой груди облепило тряпкой, блестящее, будто вылизанное теленком лицо скривила неприязнь, когда я помедлила с ответом.

Работу я никак не могла потерять, особенно сейчас. Мне так необходимо во что бы то ни стало попасть в элитную академию Корсоворн. Последние несколько лет я усердно трудилась и работала ради этого, копила на поездку, покупала необходимые вещи, если вдруг меня заметят! Я каждый день выполняла сложные задания и отсылала их по адресам в надежде, что мне придёт ответное письмо, неустанно проверяя почту. Просто не имела права ошибиться и в самый важный момент лишиться заработка, ведь в нашем квартале найти работу сложно, а прачечная на краю города — одно из приличных мест для таких, как я — отвергнутых всеми и изгнанных обществом.

Если мною заинтересуются, за меня может поступить ходатайство и возможность снятия ареста. Но до этого момента мне запрещено покидать Глендфорд.

Я грезилась об этом, засыпала с этой мыслью в холодной комнате, слушая, как завывает метель за окном, и просыпалась. Эта надежда грела сердце. Ведь если я поступлю, то мы с мамой сможем выбраться из нищеты, в которую так несправедливо угодили.

— Смотри у меня, чтобы всё постирала, — снова фыркнула Марла и ушла.

На самом деле она была не злопамятная, да, вспыльчивая и грубая, но, справедливости ради, я действительно её подводила, когда засиживалась в каморке за заданиями или случайно могла уснуть, когда не спала за занятиями ночью.

Взяв ушат, я перетащила его на скамью, вывалив постиранные вещи из корзины, принялась полоскать, от ледяной воды коченели пальцы, но я уже привыкла, даже уже меньше простужалась.

Марла прошаркала, уже переодевшись в повседневное, к выходу, контрольно заглядывая в прачечную. А потом дверь за ней хлопнула. И я осталась одна. Мне не привыкать. Работать с Марлой в смене мне проще, чем с Габорой, та большую часть времени болтала со своим женихом на заднем дворе, и вся работа доставалась мне.

Заученными движениями я тёрла щёлоком одежду, полоскала, вешала, бралась за новую гору одежды, и всё по кругу.

Снаружи послышался топот и приглушённые голоса. Я улыбнулась и поспешила открыть дверь.

Лика и Ролси, мои подруги с недавних пор, ввалились в коридор с расспросами, ведь я обещала рассказать про метку ещё днём, а вечером мы договорились встретиться и всё обсудить.

— Простите, девочки, но сегодня не выйдет, Марла ушла, а я должна доделать работу.

Ролси нахмурилась и принялась расстёгивать пуговицы.

— Ничего, мы сейчас быстренько справимся, — повесила на крюк свой серенький камзол, доставшийся от старшей сестры.

Если Ролси что-то задумала, то переубедить её сложно, жгучая брюнетка — упрямый и целенаправленный командующий нашего трио. Что бы мы делали без неё, из любой сложной ситуации найдёт выход, подбодрит и подтолкнёт, для неё нет препятствий. Лика — златокудрая блондинка — смахнула с головы капюшон и последовала за подругой.

— Мы целый день ждали, хочешь чтобы сердце от тревоги разорвалось? Кристан, у тебя был такой вид, что я думала...

Лика намного мягче Ролси, и характер у неё нежнее, она всё воспринимает близко к сердцу, а чувство сострадания развито до вселенских масштабов, она гениальный целитель, знает любой рецепт лекарственного отвара, в её сумке всегда найдётся то или иное средство

от легких недомоганий, а ещё она ходячая энциклопедия и знает каждый сорняк и травинку по названию.

Обе обладали крупницей магии и могли бы пойти учиться в академию, но ни одной, ни второй это было не по карману, да и кто пустит бедных сироток, выросших в приюте, на порог?

Мне не намного повезло, во мне хоть и течёт королевская кровь, толку от этого мало, когда тебя обвиняют в предательстве монарха.

Девочки принялись мне помогать, закатав до локтей рукава, мрачная прачечная наполнилась девичьим смехом и шутками, разгоняя мрак в моём сердце, заставляя на краткий миг забыть о нависшей угрозе. И уже через час мы были свободны.

Только за окном давно стемнело, но из-за того что квартал занесло снегом, на улице было светло, как в лунную ночь.

Расставив тазы и разложив на место щётки, я сбросила мокрую одежду, облачившись в своё шерстяное платье. Мы погасили лампы и вышли из влажного помещения в коридор. Продолжая веселиться, девочки оделись, и мы покинули прачечную.

— Ну что? Куда пойдём? — глянула по сторонам Лика.

— “Золотой грифон”? — предложила Ролси.

— Там дорого, давайте лучше в “Изумрудный фонарь”.

— Там пьяницы и всякий сброд.

— Но зато вкусный огнелир!

— Стойте, девочки, куда вы собрались?

— В таверну, — в один голос прозвучало.

— Давайте не пойдём сегодня туда, не хочу в шумное место.

— Да что такое, Кристан?! Ты как будто не с нами, так всё серьёзно?

Я засунула руки в пустые кармана.

— Я взяла только на проезд и...

— Это не проблема, Лика сегодня получила плату за то, что вылечила мадам Хенси, она отблагодарила парой монет.

— Да-да, так что я сегодня угощаю, — подпрыгнула девушка, отчего кудряшки спружили на её плечах.

Дорога домой неблизкая, но обычно я добиралась пешком. Несколько повозок стояли на обочине дороги. Залезла во внутренний карман платья и достала мешочек с монетами. На ладонь упала пара монет, которые я приготовила на случай, если задержусь, заранее.

Я вздохнула, на самом деле действительно хотелось забиться куда-нибудь в уголок и ждать, что меня минует этот кошмар в виде наметившегося жениха. Но они правы — это не решит моей проблемы.

— Идём, — подхватили под руки девочки и зашагали в обратную сторону от нашего чахлого переулочка.

— Кристан, это ужасно! — выдохнула Лика, накрыв ладонью губы, смотря на меня с сочувствием круглыми голубыми глазами.

Ролси же хмурилась и усиленно думала.

— Постой, я всё-таки не понимаю, — отодвинула она свой напиток в сторону. — Все эти традиции, кто их соблюдает? Неужели нельзя отказаться от этого брака?

Я покачала головой.

— В том-то и дело, что истинность нельзя отменить. А традиции строго соблюдаются в высшем обществе. Это в низших кругах запущение.

Лика и Ролси переглянулись, будто искали в глазах друг друга ответ. Девочки знали историю моей семьи. И как мама бежала после гибели отца со мной маленькой, и как пряталась,

чтобы нас не растерзали те, кто защищал монарха. Как её ещё долго унижали и как она меняла место жительства, пока её наконец-то не оставили в покое.

Над столом повисло свинцовое молчание. Я почувствовала, как тяжесть решения нависла надо мной ещё больше.

— И что же теперь? — тихо прошептала Лика, опуская руку и нервно теребя край своей кофты. — Ты говорила со своей мамой?

— Да, — я вздохнула, чувствуя, как отчаяние накатывает волнами. — Она считает, что нет выхода. Все уже решено за меня.

Ролси вдруг выпрямилась и крепко сжала кулаки.

— Это так нечестно! — её голос прозвучал громче, чем она сама ожидала, притягивая несколько любопытных взглядов в кафе. — Как можно так распоряжаться судьбами людей? Ведь это твоё будущее!

— Ролси, тише, — попыталась утихомирить её Лика, успокаивающе похлопав по плечу. — Я согласна. Как можно смириться с этим?

Я была благодарна за их поддержку, но это не меняло сути дела.

— Тут ничего нельзя сделать. Высшее общество живёт по своим правилам. Законы писаны не для всех одинаково. Мы можем бороться, но результат всегда один, — с грустью произнесла я.

Лика и Ролси опустили взгляды, каждая думала о своём. На их лицах читалась борьба между надеждой и безысходностью. И если Лика уже почти сдалась, Ролси решительно подняла взгляд.

— Ну что ж, если нельзя отменить, это не значит, что нельзя изменить. Возможно, есть способ обойти правила. Если ты не можешь выбрать свою судьбу, мы поможем тебе найти другой путь.

— Спасибо вам, — улыбнулась я.

— А покажи её, — тихо просит Лика, осторожно отодвигая кружку в сторону. Она будто ждала подходящего момента, конечно, увидеть драконью метку редкость, да ещё среди простых людей. Я понимала её любопытство.

Я огляделась. В трактире “Зелёный фонарь” былолюдно, поэтому никто не замечал молодых девушек, занявших место в самом углу, у небольшого окна. Я протянула руку и подняла рукав, оголяя запястье.

— Вот это красотища! — воскликнула Лика.

Даже тёмные брови Ролси приподнялись в восторге.

Я была согласна с ними — красиво, но отдала бы всё, лишь бы избавиться от неё.

Убрала руку, пряча под стол, когда мимо нашего столика прошёл один из посетителей шатающейся походкой к выходу. Даже не заметила, как за разговором пролетело время, а ведь ещё нужно сделать заключительный тест, потом проверку географических меридиан и устный тест по королевскому уставу и законоправу.

Впрочем, девочки тоже заметно устали, завтра всем рано вставать, никаких привилегий. Допив огнелир, мы покинули таверну.

Снег хрустел под ногами, щёки морозило, скоро середина зимы, она в Гленфорде выдавалась выюжной, но мне нравилось, быть может, потому что белый снег праздничными шапками украшал старые постройки и обшарпанные дома нашего района, создавая атмосферу торжества, вызывая во мне то ли воспоминания прошлого, то ли просто фантазии. Но мне будто слышался звук оркестра, который я ни разу в жизни не слышала вживую.

Глупо, наверное, так думать, с учетом того, что здесь неспокойно, а порой опасно даже в компании.

— Сколько у тебя времени, Кристан? — спрашивает вдруг Ролси, выдёргивая меня из размышлений.

— Они знают, где я, думаю, это не займет много времени, может, сутки, а может, немного больше.

Смотря какие цели будет преследовать семья ящеров, и явно они не самые благодушные.

— Значит, так, — остановилась она. — Мы подумаем, что можно будет сделать, а утром встретимся у старых ворот и всё обсудим, договорились?

— Да, Кристан, своих не бросаем. Обязательно выход найдётся, — поддержала Лика.

— Спасибо, девочки, — обняла я подруг, тронутая их опекой, даже глаза наполнились слезами, — как здорово, что вы у меня есть.

Мы разошлись. Я побрела к своему дому, а девочки — в свой двор. После того как я поделилась с ними своей проблемой, стало гораздо легче, я даже взбодрилась, и будущее с тем, кто готов втоптать в грязь, уже не так страшило. Ролси обязательно что-нибудь придумает, она всегда находит решение!

Я даже подпрыгнула от радости, или это так действовал огнелир, не знаю, но чувствовала подъём и уверенность, что готова взлететь в небо.

Но радость моя была кратковременной, на смену пришли сомнения и горькая отрезвляющая правда. Сколько ещё я буду надеяться, что проблема решится сама или кто-то решит её за меня?! Нет, Ролси не сможет этого сделать, никто не сможет, кроме меня самой. Не стоит питать иллюзий. Подруги не обязаны решать мои проблемы. Когда же я перестану прятать в песок голову?

Приближаясь к дому, я почувствовала, что на улице не одна, скрип снега откуда-то сбоку заставил чуть ли не бегом ринуться к ограде, но не успела — грубая хватка рванула назад.

— Привет, кошечка, замёрзла? — меня обдало совершенно не свежей кислой вонью, а знакомый вечно простуженный голос заставил вздрогнуть.

Мортис Лортанг, чтоб его, подстерёг прямо возле дома! Наверное следил за нами в таверне и ждал... Впрочем, когда-то это должно было случиться. Но почему именно в этот вечер?! Судьба решила меня окончательно доканать.

Мортис — бездарь и гуляка — живёт в соседнем квартале, раньше он был замкнутым и скрытным, но как связался с уличной шайкой, стал дебоширить и красть деньги у своей матери, спуская в тавернах и в карточных играх. Последние несколько недель он не давал мне прохода, заметив однажды у почтового ящика.

— Дай пройти, — вырвалась я из его хватки и шагнула мимо, не дожидаясь ответа.

— Куда? Стоять! — преградил путь. Сердце ухнуло в пропасть и затарабанило лихорадочно. Я одна, вокруг никого, дома меня никто не ждёт, у мамы ночная смена.

В темноте было видно, как он довольно и зловеще ухмыляется, наслаждаясь моей беспомощностью.

— Уйди, — пригрозила я, пытаясь сохранить спокойствие в голосе. — Уйди, Мортис, или я... — метнула взгляд в сторону темнеющих окон, — позову на помощь.

— И кто тебя услышит в такой мороз? Все дома сидят, за горячими напитками. Никто даже не подумает выглядывать, — злорадно произнес он, все еще держа меня за рукав.

Силы в его хватке, казалось, становилось все больше. Меня окатило ледяной волной паники, в глазах потемнело, к горлу подступила тошнота. Мне были хорошо известны правила враждебного мира: бей или беги. Разумеется, с ним мне не совладать, хоть и пьян, но он тяжёлый и крупный. А чтобы бежать, для начала нужно вырваться. И я, бросив взгляд в сторону жилых построек, придумала один способ.

— Что тебе нужно? — пошла я в наступательную.

— Мне? — хмыкнул он и прищурился. — Да вот не знаю, — скользким оценивающим взглядом он прошёлся по мне. — А что ты можешь предложить? — попался он на крючок.

— Дома у меня есть кое-что очень ценное, — перехватила его внимание, уводя от грязных мыслей. — Ты можешь это взять и дорого продать.

Мортис чуть прищурился, явно оставшись заинтересованным.

— И что у тебя там есть такого, что можно дорого продать? — спросил он недоверчиво, но всё же глаза жадно сверкнули. — Украшения? У тебя ничего такого нет.

— Есть больше чем украшения, — солгала я, чувствуя как пальцы на руке начали замерзать. — Магический артефакт.

— Врёшь.

— Я серьёзно.

Мортис наклонился чуть ближе, и его глаза вспыхнули ещё сильнее.

— И какой же это артефакт? — его голос стал почти шепотом. — Покажи.

Я вздохнула с внутренней дрожью, стараясь держать уверенный вид.

— Сначала отпусти.

Мортис замешкался, всё ещё сомневаясь, но жажда лёгкой наживы перевесила. Он выпустил.

Теперь был шанс. Резко дернувшись, я попыталась выскользнуть из его ослабленной хватки. Удача оказалась на моей стороне — мне удалось вырваться. Уставившись на меня с выражением полной неожиданности, Мортис на секунду растерялся.

Я сразу же метнулась к забору, но пробежала лишь пару шагов, как сзади на меня обрушилось тяжёлое тело парня.

За секунду до того, как его рука снова схватила бы меня за горло, повалив на снег, я резко повернулась и что было силы ударила согнутым коленом в пах мерзавцу.

Пока он корчился, я выкарабкалась из-под туши и, вскочив на ноги, пустилась прочь.

— Ты ещё пожалеешь! — гневно хрипел он мне в спину.

Задыхалась, адреналин бил в висках. Перемахнув через ограждение, я забежала за угол и вспорхнула на порог. Замерзшими пальцами лихорадочно попыталась вставить ключ, получилось только с третьей попытки, отворила дверь и нырнула внутрь дома, захлопнула её, закрывая на крючки и засов. Замерла, прислушиваясь сквозь шум в ушах к звукам. К счастью, погони не было, Мортис ещё тот трус, но не стоило расслабляться, он найдёт способ отомстить.

— Я всё равно тебя достану, гадина! — глухой стук в стекло заставил вздрогнуть и отшатнуться. Мортис запульнул всего лишь снежок, но мои нервы были на пределе. Я медленно сползла по стене на пол, чувствуя, как силы покидают. Сильно закружилась голова, и тошнота подкатила к горлу.

Найдя в себе силы, я поднимаюсь. Некогда было расслаиваться, нужно закончить задания на подготовительный курс, моя последняя попытка в этом году, ведь новый набор проходит в начале зимы. А следующий ждать целый год. Но теперь и этого времени у меня нет.

Делаю глубокий вдох и ёжусь.

Нужно протопить дом, иначе углы за ночь промерзнут, и тогда будет сыро и промозгло.

Снимаю старенькую накидку, скидываю обувь и, надев теплые носки, принимаюсь растапливать полуразрушенный камин. Его давно нужно было ремонтировать, с каждым годом он всё хуже отапливал помещение, грозя рассыпаться на части.

Пока я управлялась по дому, в голове назойливо стоял голос Фарингрейва. При одной мысли, что я окажусь в постели этого бездушного монстра, меня пробивала дрожь. Даже горячий душ, что наполнил комнату, не согревал.

Я не смогу ему противостоять, ни по силе, ни по магии. И уж тем более не по статусу. Он наследник династической драконьей семьи, а я отвергнутая обществом. Во всём проигрываю.

В своё девятнадцатилетие Кариан Фарингрейв вступил в прямое наследование целого герцогства на севере империи: откуда, собственно, и это пренебрежительное отношение к тем, чьи рода примыкали к империи и стали лишь частью государства. Он носитель светлой магии,

что и удивляло — с таким высокомерным нравом и жестокостью совсем не вяжется. По словам мамы, он закончил первый курс факультета боевой магии, что уже считалось элитным в Амалькерии.

И я... наследница герцога, сосланная в пожизненное изгнание без должного образования.

— Почему нашу связь признали? — продолжала со злостью досадовать я. — Они должны были исключить это. Должны были!

“Традиция”, — пронеслось в голове вызывающее гнев слово.

Я в ловушке, против истинности не может пойти даже дракон, а уж мне и вовсе не под силу.

“Думай, родная, думай”, — твердила себе, подкладывая щепки и ветки, которые набрала ещё утром.

Пока есть время, завтра, возможно, его уже не будет. Я вернусь в столицу в качестве жертвенного ягнёнка.

Я растерянно взглянула на запястье и яростно потерла место, где красовался чёрный распускающийся цветок, который охлаждал кожу. Он вызывает лютый страх вместе с ядовитой ненавистью. Даже не могу любоваться его красотой, метка перечеркнула мою жизнь так же холодно и беспощадно, как слова дракона.

— Как же быть?

Если бы жив был мой отец, он непременно бы смог защитить меня.

...Есть один вариант, о котором я боялась думать, но инстинкты брали своё — избавиться от метки. Эта мысль не покидала с самого утра, выжидая своего часа. И вот он настал.

— Сначала избавиться от неё, а после — бежать.

Но только как избавиться от метки? И куда бежать?

Когда огонь занялся, я отправилась в свою комнату. Обстановка скромная: старенький потёртый диван, комод и стул со сломанной спинкой, грубая кровать.

Прошла к покосившемуся бюро, где я делала задание, оно завалено учебниками, точнее, всё аккуратно разложено, к порядку я приучена с детства.

“Кристан, разве ты не видишь что все твои усердия напрасны?” Вздохнула.

В Корсоворн брали только лучших и высокородных. Я не относилась ни к тем, ни к другим, но верила, что мои работы достойны внимания! И я получу свой шанс учиться там.

Шанс, который выпадает одному из миллионов. Шанс, который мог бы изменить нашу жизнь.

А теперь — неужели всё зря? Все мои старания, бессонные ночи, переживания, затраты? Я так и останусь блеклой тенью отвергнутого рода? Всеми забытой наследницей герцогского рода, так и не удостоившись и крохи уважения и признания. Несправедливость рвала сердце на лоскуты. Хотелось кричать, собрать всё это и сжечь в камине! Назло всему...

От бессилия подкосились ноги.

И я рухнула на стул. Мне больше никогда не стать частью элиты. Никогда.

В ушах зазвенело от бури чувств. Я перевела взгляд на книги.

— Нет, я так просто не дамся, буду бороться!

Упрямо взяла книгу с полки. Их я нашла на чердаке. Старые, с потрёпанными страницами, но очень ценные. Даже боялась представить, сколько лет этому дому, наверное, раньше этот район был намного престижнее. Сейчас же он обречен на забвение, затерянный среди особняков и райских островов королевских владений. Только эти старые учебники, покрытые пылью прошлого, остаются как единственное свидетельство жизни, интеллектуальной деятельности, происходившей здесь когда-то. Как я выяснила потом, в этом доме некогда жили ученицы, а разрушенное здание во дворе — бывший женский пансионат.

Я осторожно открыла один из фолиантов, и страница мгновенно выпала на пол, словно пытаясь поведать свою долгую историю. Я подобрала её — старые чернила и аккуратные

пометки на полях рассказывали о прилежных студентках, которые когда-то оставляли свои заметки и готовились к экзаменам, так же, как и я сейчас. И в этой же самой комнате, где я сейчас находилась. Теперь никто не знает, кто здесь раньше жил и почему бросил свои жилища. Почему всё разрушено? Кто приложил к этому руку?

Даже мама не в курсе, живя при дворе, она не знала внешних бедствий.

Мне крайне повезло найти их, книги — это роскошь. Как и бумага, на которую я тратила часть заработка.

Стул скрипнул подо мной, когда я приподнялась, вернув книгу обратно на полку.

Задумчиво погладила пальцами облупленный лак на столешнице, взялась за ручку ящика и выдвинула его. На дне лежали несколько зелёных купюр и пара медных монет — мои накопления.

Я взяла деньги в руки и задумалась. Этого не достаточно для побега.

Невольно потянулась к маленькому кусочку мела, лежавшему рядом с монетами.

Заговоры и ритуалы — дисциплины опасные, требующие точности и хладнокровия и запрещённые среди простого народа. Правительство строго запрещало их использование в незарегистрированных местностях, и уж тем более изгнанникам.

Но у меня не оставалось другого пути. Я должна избавиться от метки.

Я вытащила карту Магических Путей и развернула на столе. Эта карта — наша семейная реликвия, всё, что осталось от родового имущества. Мама спрятала её в самый последний момент в чулках под платьем.

Итак. В моём распоряжении — астрал, которым я втайне пользовалась. Его не мог никто запретить, но доступен он единицам, точнее, только носителям магического дара.

Если бы мама не научила меня им обладать, эта способность была бы навсегда потеряна.

Я легко освоилась, астрал впустил меня как уважаемую гостью и не был враждебен.

Мой взгляд, бесцельно блуждающий по рисункам и глифам, остановился на сером наборе символов. Каменные земли, самое опасное место в астрале, куда не заглядывал даже самый опытный маг. Всё потому, что там засилье ведьм и всякой нечисти Серого мира. Дальше уже Гольгофа — мир тьмы.

...Непроизвольно сжимаю на груди медальон, вытащив из-за пазухи. На нём изображён мой отец. Светловолосый мужчина с пронзительными зелеными глазами.

Губ коснулась тёплая улыбка.

Цвет глаз мне достался от отца, а холодный оттенок цвета древесной коры волос — от мамы. И всё-таки я была больше похожа на отца. Быть может, потому что волосы я стригла, а оливковая тёплого оттенка кожа и приглушённой зелени глаза создавали образ далеко не неженки, но и дурнушкой я не была.

“Оттого притягиваю внимание всяких Мортисов”, — скривилась я.

Со стороны двери послышался шум.

Я быстро спрятала медальон в тот момент, когда за открытой дверью послышался скрип половиц.

— Кристан, ты тут? — заглядывает мама в комнату.

— Что-то случилось? — развернулась на стуле, слыша тревожные нотки в голосе мамы.
— У тебя ведь сегодня твоя сме...

Я запнулась, потому что увидела в её руке стопку конвертов.

— Что это? — срывается с моих губ, а в груди всё застывает.

— Кристан, я... — мама виновато опустила взгляд, а я медленно поднялась со стула и прошла к ней.

— Прости, — прошептала она, вручая мне конверты.

2.

Их целая стопка, из дорогой мягкой бежевого цвета бумаги, с красивыми марками и печатями, витиеватым почерком и большими буквами “Академия Корсоворн”.

Пальцы проняла волнительная дрожь неверия. Быстро перекладывая конверты, и на каждом — печать академии.

— Они прислали тебе ответ... уже давно. Я прятала их втайне от тебя.

Вскидываю взгляд на неё и не узнаю. Моя мама имела твёрдый характер, жизнь закалила её до такого состояния, что её не могли сломить ни обстоятельства, ни люди. Но сейчас я вижу лишь тень этой женщины, чей взгляд опустошён и нерешителен. Её руки дрожат, и в глазах читается отчаяние. Как так получилось, почему? И за что?

— Я ведь так их ждала... — срывается с моих дрожащих губ.

— Я знаю, я... боялась, Кристан. Я не могла тебя отпустить туда. Переживала и не спала ночами.

— Я ведь уже взрослая и сама могу постоять за себя, а ты... ты перечеркнула всю мою жизнь этим поступком, — осознание обрушивается на меня жестокой правдой. — Да за это время я бы уже смогла научиться многому и вытащить нас отсюда! — из глубины поднималась разрушительной силы ярость. — Что ты наделала, мама?! — сорвалась на крик, чувствуя, как внутри меня всю колотит.

Она опустила взгляд, её высокие скулы побледнели, а глаза померкли. И только тут я осознала. Мама сдалась, и уже давно, а я этого не замечала совсем. Жизнь в бедности сломила её, глаза уже не блестят надеждой и уверенностью, а уголки губ отравляет горечь. Она уже давно перестала следить за собой, укладывая волосы в улитку на затылке, не меняя повседневный гардероб, не ухаживая за руками, на которых кожа огрубела и шелушится.

— Это не конец, слышишь, а только начало, — глухо произнесла я, смотря ей пристально в глаза.

— Как ты не поймёшь, что тебе там не место! Таким, как мы, не место! Мы для всех отбросы общества, от которых проще избавиться! Своим появлением ты оскорбишь всю свиту, они тебе этого не простят! Вот такая горькая правда, — хрипнул её голос и затих совсем. — А в семье Фарингрейвов ты хотя бы не будешь голодать и мерзнуть, у тебя будет крыша над головой и статус.

Последние слова как контрольный выстрел в самое сердце. Она планировала в мыслях отдать меня им, на растерзание этим чешуйчатым гадам. Уму непостижимо. Впервые я почувствовала, что такое предательство самого близкого человека.

— Я думала, — слатываю, — ты разделяешь мои чувства и беспокоишься за меня. А на самом деле готова отдать меня без колебаний.

— Не преувеличивай, — бросила мама в сторону взгляд, растерянно моргнув. — Я очень переживаю за тебя, — делает шаг и протягивает руку, чтобы коснуться моей щеки. Я отшатываюсь, чувствуя, как изнутри накатывает волна отчаяния и боли.

— Не трогай меня! — выкрикиваю, не в силах сдержать эмоции. — Ты думаешь, что знаешь, что для меня лучше, но на самом деле ты просто боишься. Боишься того, что будет, если я решу идти своей дорогой.

Мама прикусывает губу, её глаза мерцают от непролившихся слёз.

— Я просто хочу для тебя лучшей жизни, — тихо произносит она. — Не хочу, чтобы ты страдала.

— Но какой ценой? — сердито спрашиваю я, сжав кулаки до побелевших костяшек. — Ты лишила меня возможности, которой я горела днём и ночью. И готова отдать меня чужим

людям, которые будут видеть во мне лишь кусок мяса, способный выполнить какую-то функцию? Я не вещь!

Она опускает руку, отчаяние на её лице уступает место глубокой печали.

— Может быть, я ошибаюсь, — говорит она медленно, словно её слова несут тяжесть каменной плиты. — Но я не знаю другого способа защитить тебя.

— Защитить? — ухмыляюсь я, не веря своим ушам. — Ты думаешь, что предательство — это защита?

— Кристан, прекрати! Я просто хочу, чтобы ты была жива, — двинувшись ближе, она продолжает с болью в голосе. — Прошу, пойми это.

Стиснув зубы, я отворачиваюсь. Слова не могут описать всю гамму чувств, что бушуют во мне. Сердце колотится так, будто вот-вот выскочит из груди.

— Не верю, что это говоришь ты.

— Да, я не в восторге, что ты станешь женой Фарингрейва-младшего, если бы был другой выход я бы позволила тебе им воспользоваться, но, может, не всё так катастрофично, как тебе кажется? Эта давняя вражда... все о ней уже забыли. Он твой истинный, он не сможет тебе причинить вреда. Дай ему шанс и себе тоже... Я думаю, он не такой, как его отец.

С каждым её словом меня выворачивало наизнанку и разрывало на лоскуты.

— Нет, мама, он именно такой, — выплюнула слова. — Нет, даже хуже.

Мама изменилась в лице и побледнела ещё больше.

— Откуда ты знаешь?

Я моргнула и сжала губы.

— Неважно.

— Важно! — шагнула ко мне мама и строго добавила: — Нельзя ходить в астрал без защиты! Это опасно.

А у меня просто не осталось сил, она меня не слышит и никогда не слышала, а я думала...

Медленно отступаю, сжимая конверты в руках, разворачиваюсь и подхожу к бюро. Схватив сумку, бросаю туда письма, потом несколько учебников, деньги.

— Что ты делаешь, Кристан? Ты куда собралась? — бросилась ко мне мама. — Темно на дворе, успокойся, прошу тебя. Давай всё обдумаем, пожалуйста.

— Уже поздно, нет времени.

— Кристан, — выхватывает сумку. — Я тебя не отпущу, слышишь?

Наши взгляды скрестились.

— Ты поедешь в дом Фарингрейвов, это моё последнее слово, никакой академии.

Я смотрела на неё и не понимала. Это был другой человек, или... оказалось, я никогда не знала свою мать.

Я отступила и шагнула мимо неё, направляясь к двери. Элизабет Рейв Варнесальн обернулась, но на этот раз ничего не сказала, позволив уйти. Накинув на себя теплую одежду и сунув ноги в ботинки, я выбежала из дома, хлопнув дверью.

Холодный воздух обдаёт лицо. Скользнув по тёмной улице невидящим взглядом, я сбежала с порожка, бросилась к дороге и наугад безо всякой цели пошла прочь.

Тёмные силуэты домов мелькают по сторонам, и в этой ночной тиши казалось, что каждый шаг отдаётся громким скрипучим эхом. Снежинки, словно маленькие язычки, упорно жалили моё лицо и шею, и, несмотря на холод, я чувствовала, как слезы смешиваются с ними, оставляя мокрые следы на коже.

Досада разъедала душу. Оказывается, мои задания давно приняли и только ждали моего появления, а я как дура делала и делала новые попытки. Не понимаю, почему мама так со мной поступила.

Сама не заметила, как начала всхлипывать, обида и разочарование рвались наружу, невыносимо их сдерживать, слишком больно.

Я выхожу к мостовой, перехожу через каменный мост и поворачиваю в парк, за которым никто не ухаживал.

Углубившись в него, скрываясь от внешнего мира, я пришла к заваленному дереву. Сюда я приходила частенько, особенно когда грустила, чтобы побыть в одиночестве. Вот и сейчас ноги привели меня неизменно сюда.

Присев на ствол, скрестила руки, закапываясь в теплую одежду плотнее. В воздухе витал запах изморози, смешанный с пряным ароматом древесной коры. Парк, заброшенный и дикий, обнимал меня своей тишиной, теплее, чем общество мамы.

И что я имею? Меня всё-таки приглашают в академию. В глубине я радовалась, но радость была неполной. Мама сломала мою жизнь, то, к чему я так стремилась за последние полгода. И теперь она хочет, чтобы я отправилась к Фарингрейвам и сдалась на милость врагам. Буквально благословила на этот брак. Криво усмехнулась и вытерла тыльной стороной ладони холодные слёзы. Не посчиталась со мной.

— Но я так просто не сдамся, мама, — прошептала я как заклинание и прикрыла глаза.

Ведьму найти невозможно, а в астрале опасно. Но у меня не было иного выхода.

Ведьмы используют астрал как убежище, находят себе жертв и питаются их силами. Поймать их не под силу даже самым сильным магам. Никто не может это контролировать, потому что астрал это бездна, там нет законов. Поэтому мне нужно быть осторожной и не попасть в ловушку, став одной из жертв.

В астрал я вошла как в реку. Сотканное из энергии и иллюзии пространство впустило. Сосредоточившись на ауре, чтобы попасть в Серый мир, я шагнула через световые потоки, но будто бы наткнулась на стену. И если бы на стену — меня будто вытолкнуло невидимой силой.

Световые потоки ослепили, уплотняя стену. Всё вокруг завибрировало, и послышался многоголосый звон. Прямо передо мной начал формироваться силуэт в просторных, развивающихся на ветру одеждах.

Хранительница врат миров, Мианара, поняла я.

— Пожалуйста,пусти, — взмолилась я, дрожа. — Мне очень нужно.

Звон усилился настолько, что, казалось, мою ауру развеет на осколки, а свет ослепит, я закрыла уши ладонями. Она прогоняла меня, но я упрямо стояла на своём. Всё это стало до такой степени невыносимо, что я упала на колени и согнулась в поясе. Я не уйду. Нет.

— Пожалуйста... — прошептала я.

Мианара смотрела на меня с верхотуры своего света. Я чувствовала всем существом его. Сама её форма казалась нереальной, то исчезая в вихре света, то вновь обретая очертания.

— Ты не готова, — её голос прозвучал прямо в моих мыслях, словно серебряный колокол, разрывающий тишину.

— Я готова! — выкрикнула я, даже не зная, сорвались ли слова с моих губ или остались в голове. — Пожалуйста, дай мне пройти.

Моя вера и отчаяние смешались в едином потоке, стремясь прорваться. Внезапно свет начал слабеть, а звон — медленно стихать. Казалось, что сама пространственно-временная ткань подчинилась моей воле.

Я открыла глаза.

Мианара всё так же светилась, изливая своё сияние в пространство, дух хранительницы протянул руку, и световые потоки снялись с её пальцев, словно живые нитки, которые начали

формировать передо мной прозрачную дверь. Я чувствовала, как сила Хранительницы проникает в меня, испытывая моё намерение и решимость.

— Путь открыт.

— Спасибо, — беззвучно ответила.

Я встала, собрав всю волю в кулак, и шагнула к двери. Свет втягивался вокруг меня, и я провалилась в бесконечную серую пустоту. Чувство лёгкости и бесформенности окружало меня, но в то же время я чувствовала невероятную плотность этого нового пространства.

Впереди сквозь мглу начал вырисовываться силуэт Серого мира. А следом чувство тревоги и мрачных энергий затопили моё сознание невыносимой вселенского масштаба тяжестью.

Показалось, что в этом мире кроме меня больше никого нет в этой каменной серой тюрьме.

Соткала зов, который отделился от меня частичкой света. Он поплыл вперёд и потух где-то в серости мира.

Я резко обернулась назад, где всё ещё сияла дверь. Моё намерение найти ведьму толкало продолжить путь, но страх гнал меня к свету, я даже попятилась, чувствуя, как холод пополз по ногам, спине и затылку.

Ещё ведь не поздно вернуться, да?

— Даже не смей, — прошипела, разозлившись на себя.

Собрав волю в кулак, через усилие я зашагала вперёд.

Пространство давило свинцом, и каждый шаг давался с великим трудом, будто к ногам прикованы гири, о полёте не могло быть и речи. Я лишь в теории знала, что меня могло здесь поджидать.

Серый мир населяли всякие опасные существа и сущности, души неупокоенных, монстры тьмы. Я настороженно смотрела по сторонам, даже руки похолодели от напряжения.

Впереди что-то тускло блеснуло. Тревога хлынула по ауре дрожью, но я решительно устремилась к источнику.

Прозрачный массивный кристалл, искрящийся внутренним фиолетовым светом и притягивающий меня как мотылька, на самом деле питался живыми сгустками крови, в которых он рос. А ведь издали выглядел как оазис жизни на фоне мертвенных скальных склепов. Как обманчиво.

Это и был ведьмин алтарь, поняла я.

Меня затошнило, угнетающая энергия смерти оплела липкой паутиной.

Они же расходятся от кристалла, притягивают меня как магнит. Чья это кровь? Какие жертвы приносит ведьма для его поддержания? Мне было неизвестно. И неважно. Я пришла, чтобы получить своё, ведь так?

Раздираемая противоречивыми чувствами, судорожно выдохнув, я сделала шагочек. Кристалл ослепительно вспыхнул, и я ощутила, как моя аура начала переплетаться с чужеродной энергией этого места.

Сильная вибрация, исходящая от алтаря, проникала в каждую клеточку моего существа, заставляя сердце биться быстрее.

Вдруг со всех сторон послышалось злое шипение, а следом в пасть к ведьмовскому алтарю хлынул поток призрачных силуэтов.

Это конец, промелькнула мысль в оцепеневшем сознании. Но вдруг в воздухе мазнула пространство черная тень.

— Что происходит? — прошептала в холод, осматриваясь в панике.

Кристалл продолжал пульсировать, словно питаемый невидимой силой, и поток призрачных силуэтов, все еще стремящийся к алтарю, бился о невидимую преграду.

Черная тень, мелькнувшая в воздухе снова, стремительно уплотнилась, принимая все более ясные очертания. Вскоре меня накрыло тенью двух огромных крыльев сотканые из сгустков тьмы, раскрывшихся за женскими изгибами тела...

Я закрылась руками, ожидая удара, но ничего не последовало.

— Как ты посмела разбудить кристалл?! — раздался со всех сторон страшный рычащий голос.

Мои ноги не слушаются, сердце стучит так сильно, что дыхание даётся с трудом. Я всматриваюсь в силуэт, пытаюсь разобрать хоть какие-то детали. Наконец мой взгляд фокусируется на глазах — они как два провала, из которых сочилась тьма, а губы — лишь прорезь вместо рта.

— Я пришла... чтобы кое-что предложить, — прошептала я, едва выдавив из себя слова, леденевая от страха.

Существо стоит неподвижно, а тьма была естественным окружением, без которого оно не могло существовать. В астрале можно принимать любые формы, но, судя по облику ведьмы, внешность человека она не принимала уже давно. К кому же я пришла, что носительница тьмы растворилась в Сером мире?

Это лишние вопросы, всё, что мне нужно — это убрать метку.

— Что ты можешь мне предложить, ты, что у тебя такого есть, чтобы я не убила тебя прямо сейча-ссс? — её тело вытянулось, и передо мной теперь возникла огромная чёрная туша змеи.

— Постой! ВОТ! — протянула руку, показывая своё запястье.

Страх пронзает всю меня острыми ледяными иглами, но я понимала: если не смогу договориться с ведьмой, мне не выбраться из астрального Серого мира, и моя душа останется обречена в этой каменной темнице на скитания.

В астральном плане метка была живая, пульсировала и двигалась золотом на теле, собираясь в бутон и распускаясь. Нежный, хрупкий и незащищенный.

Змея с человеческим лицом замирает, в пустых глазницах вспыхивают фиолетовые колющие огоньки, она медленно уменьшается, вновь обретая женские формы, черты проявляются четче, и вскоре передо мной предстаёт женщина в возрасте моей матери, с копной серебристых волос, бледной лунной кожей и сапфировыми глазами, сверкающими призрачным холодным светом.

Блеклые губы растягиваются в жуткой улыбке, словно улыбающаяся голова болванчика.

У меня был всего лишь один козырь — ведьма могла забрать либо мою душу, либо метку.

— Ссс-колько жизни и ссс-вета. Не жжж-алко? — длинный раздвоенный язык скользнул по лицу, заставляя чуть ли не отпрянуть. — Что ты за неё хоче-шшшшь? — она резко вскинула голову, вытягивая ставшую неестественно длинной, как у гуся, шею.

— Н-ничего, — стукнули зубами. — Просто возьми её, чтобы дракон никогда не нашел меня. Сердце сжалось и застонало, будто я делаю что-то неправильное.

— Так не получитс-ссся... вдруг ты передумае-шшшшь? Дракон может потребовать право вернуть тебе её, разве не знае-шшшшшь?

Я помотала головой, такие подробности мне не известны.

— Мы заключим контракт, чего ты хоче-шшшшь взамен? — снова задает вопрос, обращая глаза, ставшие тёмными провалами снова.

Как же жутко и страшно! Но нужно сосредоточиться. Только как? Я не знаю всех деталей, и времени на изучение их нет.

— Что ты можешь предложить? — едва вырывается хрип с моих губ, как ведьма взвилась, возвышаясь надо мной черным смерчем, поднимая пыль и камни.

Я пачусь, закрываясь руками. А ведьма возвращается обратно, нависая надо мной лохмотьями, черными, клубящимися тьмой крыльями.

— Хоче-шшшш быть ссс-ильной? Я могу наделить тебя магическим даром.

— Хорошо, — согласилась я, не раздумывая, стукнув зубами.

Времени у меня не так много, здесь, в астрале, его не было, а снаружи могли пройти сутки. И я осталась на улице, холод мог убить меня или обморозить конечности. Но поздно об этом думать.

Впрочем, я уже чувствовала, как мои пальцы становятся бесчувственными.

Перед глазами сверкнуло острое жало лезвия, я не успела ничего понять, как оно обожгло холодом моё запястье.

Кровь брызнула из раны на мертвенное лицо ведьмы, она с наслаждением слизала капли раздвоенным языком со своего лица и вздохнула, с шипением напрягая голосовые связки:

— Аххааааа, — протянула.

Узловатая пятерня с острыми когтями потянулась к метке.

“Не сомневайся, она пожалеет, что на свет родилась, и будет молить у меня прощения за грехи своих родителей”, — разлились отравляющим ядом по телу слова Кариана.

Цветок отделяется от моего запястья, на удивление, не причиняя никакой боли. Но почему так тяжело, не вздохнуть, будто я теряю что-то очень дорогое? Будто предаю то, что едва зарождалось во мне нежным хрупким чувством.

Я всхлипываю, не заметив, как слёзы покатались по лицу. И их причины я не понимала. Дёрнулась, чтобы задержать её, но ведьма схватила беззащитную метку и сжала в когтистых лапах.

По её венам под бледной кожей начала растекаться чернильная сетка, а вскоре на запястье собралось густое золотистое свечение и запульсировало, но так и не раскрыло своих лепестков.

Сердце сжимается, пронизанное острым шипом боли и сожаления. Я отбрасываю без сожаления эти чувства в сторону.

Ведьма блаженно прикрывает веки, на её лице расцвела удовлетворённая улыбка, она втягивает в себя воздух. Её внешность снова перетекает меняется.

— Как ссс-ладко, — произносит она и открыла глаза. Миг, и она становится юной девушки с волнами серебристых волос и живыми глазами.

— Какая чиссс-тая энергия... сколько ссс-илы, ссс-трасти, горечи и предательссс-тва, — продолжала упиваться, а её глаза горели голодом.

Она опускает взгляд на меня, и красивые губы искажает ледяная ухмылка.

— Получай сссс-вой дар, — удар в грудь был полной неожиданностью, я вскидываю руки и падаю, но не на камни, а прямо в каменный колодец алтаря, надо мной смыкаются темные воды, а точнее, сгустки крови, поглотив целиком.

Я отчаянно пытаюсь всплыть, глотая тёмные потоки, что наполнили мой астрал чудовищной болью, сконцентрированной в этой жертвенной купели.

Я закричала, чувствуя, как меня буквально разъедает, тьма впитывается под самую кожу, вливается в сердце, в глаза, рот и уши, боли было столько, что в какой-то момент я не выдерживаю и хочу просто умереть.

Извивалась и сжималась, корчась от разрывающей на части сознание агонии, меня будто хотели перекроить, разбирая на части тело, позвоночник, руки, ноги.

Ведьма беспощадно удерживает моё сознание в астрале, не позволяя вернуться в тело. В какой-то момент я перестаю сопротивляться, позволяя тьме проникать в мою сущность, поглощать меня, заполнять моё сердце и сознание мраком.

Но вдруг откуда-то из глубины начал подниматься посторонний голос, он бился в моё сознание через толщу льда. Мягкий, глубокий. И я узнала его...

— Папа... — шепчу я, пока вокруг всё ещё царил мрак.

Я ощущаю, как внутри меня закипает некая сила. Смесь воспоминаний и эмоций, захлёстывающих волной с удвоенной мощью.

Я вспоминаю все те моменты, когда отец учил меня стойкости и вере, даже маленькую, как в его присутствии я чувствовала себя неуязвимой.

— Никогда не сдавайся, Лирейн, — его голос звучал всё отчётливее. — Борись.

Эти слова стали для меня якорем в бушующем море своих собственных страхов и сомнений. Я ощутила, как что-то в глубине меня начинает светиться, разгоняя тьму, поначалу медленно, но с каждым мгновением всё быстрее.

Агония продолжалась целую вечность и, казалось, не закончится никогда, истязая моё тело в жуткой пытке, оставляя без плоти, и ткала новую ауру, наполненную тьмой, пока наконец пытка не кончилась.

Вывалившись из купели, я падаю на холодные камни истерзанным ошмётком.

Всё кончено.

3.

...Было холодно и тяжело. На грудь давит глыба льда. Не могу пошевелиться, и дышать трудно. В горле першит, и я хрипло закашлялась, проталкивая в застывшие лёгкие воздух.

Сердце бьётся медленно, каждый удар даётся с трудом, как будто замедляясь в тон с царящей вокруг стужей.

Я чувствую, как мелкие льдинки щипают кожу, а каждый вздох превращается в боль.

Сила покинула меня. Была ли это настоящая зима или лишь плод игры моего разума и на самом деле я умерла? Не знаю.

Нет, нужно сохранить хотя бы искорку тепла внутри себя.

Я пытаюсь ухватиться за что-то, что могло бы вытянуть меня из этой снежной западни. Спасительные мысли тонут в холоде, но одна — самый тусклый отблеск памяти об отце — затлела во мне жизнью, внезапно вспыхнув в сознании.

Хватаюсь за эту мысль, я почти физически ощущаю, как лёд вокруг начинает крошиться, уступая место слабому, но растущему огоньку надежды.

Мир вокруг вновь обретает краски и формы, но я всё ещё ощущаю ледяную боль в груди.

— Кристан, поднимайся, — призрачным эхом отдаётся вокруг.

Хруст снега и лёгкое касание щеки чего-то мягкого и тёплого заставили очнуться.

Разлепив смерзшиеся ресницы и замираю. Снег медленно падает сверху, засыпая ветки, землю и меня, лежащую в сугробе под поваленным деревом.

Рядом никого. Значит, голос почудился.

Хрустя снегом, я пошевелилась, белые озябшие пальцы почти не сгибаются. С болезненным стоном я приподнимаюсь на бесчувственных руках. Небо темное, кругом тишина, на помощь звать бесполезно, но если я не поднимусь, то замерзну, усну крепким сном.

Воздух снова сотряс мой кашель. Из груди вырывается сдавленные хрипы, и так неспокойно на душе. Воспоминания обрушиваются на меня ледяным градом, голос ведьмы, её жуткий облик, потоки тёмной магии и невыносимая боль. Метка! Она ведь забрала её?!

Поднимаю рукав, оголяя бледное запястье. Кожа чистая, только проступают прожилки синих вен. Сердце снова болезненно сжимается, где-то на дне залегла бездонная тоска.

Слёзы наворачиваются на глаза.

Всё-таки это было нелегко. Но я справилась!

Дракон не найдёт меня, никогда!

Я касаюсь своего лица, плеч: всё цело, но чувство, что с меня сдирают кожу живьем, не покидало, от движений боль прокатилась по телу волной. Опираясь ладонями о ледяную землю я села. Голова резко кружиться, меня замутит, но всё это было терпимо после того, что я пережила в астрале.

Поднимаюсь на ноги, цепляясь за обледенелую кору, отталкиваюсь и спускаюсь к дороге. Ноги заплетаются, дрожь пробирает всё тело, и, тем не менее, я ускоряю шаг, направляясь к своему кварталу.

Была уже глубокая ночь, по дороге мне также никто не встретился. Открыв тихо дверь, я захожу в дом, прислушалась, но на моё возвращение никто не отреагировал.

Скидываю обувь, я прямо в верхней одежде прохожу в свою комнату и закрываюсь.

Скинув одежду, нырнула с головой под одеяло. Но оно совсем не грело, как тёплый воздух растопленного камина. Казалось, ничто меня не могло согреть, а подкатывающая тошнота забирала остатки сил. Я свернулась калачиком, пытаюсь согреться, но холод проникал вглубь костей. Мысли путались, воспоминания разговора с ведьмой всплывали обрывками, как кусочки сломанной мозаики.

Отправляясь в Серый мир, я не могла предположить, что переживу такой ужас, теперь понимаю, почему меня не пускал хранитель. Это чудо, что я осталась жива.

А потом меня начало лихорадить, бросило в жар, который жёг меня всю ночь и ломал кости, вся постель оказалась мокрой. И только измучившись вконец, я забылась под утро, думая, что больше не очнусь.

Но всё оказалось иначе...

Едва небо посветлело, я почувствовала в себе перемены. И не могла открыть глаза, боясь, что вновь увижу жуткую ведьму с её сапфировыми огнями глаз в чёрных провалах глазниц.

И ещё я чувствую в теле прилив небывалой силы и энергии, будто не было этой жуткой ночи с горячкой, каждая клеточка звенела, энергии ласкали тело, погружая в свои тугие потоки, баюкали.

— Может, это сон? Или я попала в рай, и теперь все физические муки оставили меня?

Даже пошевелилась, чувствуя под собой твёрдую постель, пальцы целы, к счастью, не отморозила.

Медленно приоткрываю веки и смотрю в низкий, с пожелтевшей штукатуркой потолок. И всё как обычно, я дома, в своей комнате. Но я будто вижу всё иначе, глубже, будто растворяясь в этих стенах, будто их не существовало.

Сумрак, что скопился по углам, вдруг зашевелился и густыми тенями пополз по стенам прямо ко мне.

— Что это?!

Вскакиваю на кровати, я испуганно вжимаясь в стенку и застываю, когда мрак вскарабкался по постели и пополз к пальцам моих ног!

Совершенно ошеломленная, срываюсь с кровати и отбегаю в сторону. Но не тут-то было, тени последовали за мной, теперь окружая со всех сторон, словно живые ручки, они стекаются ко мне, оплетая ступни и ползут вверх по щиколоткам.

От ужаса я не могу пошевелиться.

— Что происходит? — срывается с моих губ шепот.

Паника накрывает с головой, когда я чувствую, как тьма скользит к моим пальцам, подушечки колет холодком. Я встряхиваю руки, согнув колено, сбрасывая с себя ледяные щупальца, но они не обжигают, не причиняют боли, а напротив, будто втекают в меня мягкими потоками, но тело реагирует быстрее, чем здравый смысл, и топит сознание страхом, что снова придётся испытать эту адскую боль.

В стороне что-то заскребло. Я скосила взгляд, от напряжения даже выступила испарина на лбу. Из-под стола вылезла чёрная когтистая лапа.

— Ай! — я вскрикиваю и отшатываюсь, сбив со стола книги, которые летят на пол, бхнувшись о доски.

— Тише ты, — шикнул кто-то прямо мне в ухо, а в следующий миг в дверь постучали.

— Кристан, ты здесь? — тревожный голос мамы, она толкает дверь, чтобы войти, но та оказалась заперта. А ведь я её не заперла!

— Скажи, что всё в порядке, — раздаётся прямо возле уха скрипучий голос. — Говори! — шикнуло нечто. — Если она войдёт, то ей не поздоровится.

Страх сковывает горло, а в помутневшем сознании вспыхивает узнавание, кажется, я этот голос уже слышала!

— Я здесь, сейчас выйду, мама, оденусь только! — выкрикнула я.

— Хорошо, я приготовлю тебе завтрак, выходи быстрее.

Через время шаги удаляются. А я медленно поворачиваю голову, чтобы посмотреть на того, кто сидел у меня на плече, впиваясь когтями в плоть, даже колени подогнулись, и я резким

движением сбросила черное мохнатое существо с себя и отшатнулась в сторону. Существо, упав на пол, вздыбилось дугой, сверкнуло большими фиолетовыми потусторонними глазами и зашипело, за гибким телом раскрылись два черных с фиолетовыми прожилками крыла.

Всё мое тело парализует, а мысли панически атакуют в голове.

Неужели я притащила это из астрала?! Если это так, то быть беде...

Порождение тьмы недовольно фыркнуло, глаза полыхнули, а в следующий момент оно спружинило прямо на мою кровать, отчётливо было видно, как от него отделяются лоскуты тьмы, что расплзались змеями на белой простыни и растворялись.

Теперь я могла рассмотреть его лучше. Он будто был весь соткан из мрака. Его тело походило на кошачье, только массивные плечи и голова с длинными острыми ушами, на кончиках которых плескалась тьма, длинные лапы с черными и острыми, как ножи, когтями, которыми запросто можно было нашинковать не только овощи. Его клочковатый из тёмных сгустков хвост, который был длиннее туловища в пять раз, обернулся вокруг него кольцами.

Я тайком нащупываю книгу на столе за своей спиной и сжав её, бросаю в существо.

Оно отскакивает, прежде, чем книга шлёпнулась на кровать, распустив свой как лиана хвост и жуткие крылья.

— Как некрасиво, — показывает свои зубы, а я схватила новую книгу.

— Ты угрожал моей маме что ей не поздоровится, — швырнула я новую книгу, а существо прыгает на меня я только успеваю увернуться.

— Вообще-то, это ты представляешь для неё опасность, а не я, — указал на тьму, которая, снова начала подступать ко мне и лнуть, закутывая в ледяной кокон кожу и внутренности.

— Ааа! — отчаянно их смахиваю с себя.

— Замри! — командует существо, а я, следуя инстинктам, послушно застываю. — Не бойся, позволь ей влиться в тебя.

— Что сделать? — не верю своим ушам. — Легко говорить, когда ты не чувствуешь этого холода у себя под кожей!

Существо приближается ко мне, и я вдруг ощущаю волны магии, исходящие от него. Холод, который сковывает меня, начал медленно проникать в вены.

— Ты должна довериться, — спокойно произносит существо. — Это испытание предназначено не для того, чтобы причинить тебе боль, а чтобы помочь тебе принять свою силу.

— Какую силу? — спрашиваю я, борясь с недоверием, но чувствуя, что слова существа несут с собой спокойствие и уверенность.

— Ту, которая скрыта глубоко внутри тебя и которую сформировала тьма под себя. Тьма — это не только страх и боль. Тьма — это часть природы, которая может стать твоей союзницей, если ты сможешь её принять.

— Великая Минара, пусть мне это всё лишь снится, — замуриваюсь я, сжимая кулаки, дрожа.

— И это говорит так, кто добровольно согласился стать пристанищем тьмы, — фыркает порождение. — Тебе придётся привыкать, дорогуша.

Как он меня назвал? Открываю глаза и лучше бы этого не делала, увидев, как тьма окутала мои руки и всё тело от стоп до самой груди. Я так напрягаюсь, что ломит лопатки и затылок.

— Что, если я не приму её?

— Придётся.

— Если я буду бороться?

— Будет больно.

Сглатываю. Нет, не хочу больше боли. Я не выдержу!

— И что мне с ней делать? — слёзы наворачиваются сами собой, сдавив горло.

— Принять, впитать в себя, — как само собой разумеющееся предлагает темное существо, которое я понимала каким-то непостижимым образом.

Или у меня галлюцинации, только очень реальные?! Я почувствовала, как конечности снова неприятно леденеют.

Существо смотрит на мою панику с завидным спокойствием и даже с любопытством, кажется, оно готово было принять любой исход, даже если тьма сожрёт меня, оно не моргнёт и глазом, вернётся туда, откуда пришло, забыв обо мне.

Мне бы хоть капельку его спокойствия.

— Как? — охрипшим голосом спрашиваю я. — Как её принять?

— Просто сдайся.

— Кристан! Всё готово, выходи, — снова зовёт мама. — Нам нужно поговорить, слышишь?

“Сдайся!” — отозвалось эхом. Но как?!

Я прикрываю веки, судорожно дыша, тьма ползёт выше, оплетает шею, обтекает вокруг лица. Ощущение такое, будто я погружаюсь под лёд. Холодные недра океана сжимают, а дикий страх сковывает тело и мысли.

Паника бьётся в теле, вынуждая сопротивляться. Казалось, что я умираю. Воды тьмы сжимают свои ледяные клешни вокруг моего незащищённого горла, подавив последний внутренний крик.

Поток ледяной волны хлынул в самое сердце, замораживая чувства и умерщвляя каждую клетку. Я чувствую, как внутри расползается хрустким морозом безразличие.

Жуткое ощущение поглощения усиливается, и паника перерастает в отчаянный зов — последний всплеск жизни перед погружением во мрак.

Нашупав в себе остатки сил, пробую сделать вдох, разжать стиснутые губы, но ледяная хватка тьмы становится всё крепче. Больше нет выбора, кроме как сдаться...

...Время застыло, а мир растворился, оставляя меня наедине с тьмой, я и есть тьма.

— Советую возвращаться, — врывается в эту неподвижность голос существа мрака.

Резко вдыхаю, вырываясь из безмолвия, и открываю глаза. Как ни странно, я чувствую не переполняющую тело боль, а напротив, прилив сил, в голове простор, в теле воздушность.

Не может же такого быть, что всё это безболезненно?

Поднимаю руку, тьма, а точнее, её остатки, клубилась на кончиках моих пальцев, проникая в плоть. Поднимаю вопросительный взгляд на...

— Как твоё имя? Ты порождение Серого мира, значит, ты нечисть?

— Почему сразу нечисть? — будто обиделся. — Я дух... и моё имя Тумарион.

— Будешь просто Тум.

Фиолетовые глаза духа сузились.

— Кристан! Мы так опоздаем на работу, — слышится уже напряжённый голос мамы.

По привычке хватаю шерстяные колготки, чтобы одеться, но понимаю, что мне и не холодно совсем!

Это открытие обескуражило.

— Вначале в зеркало посмотри, — прыгнул на стул Тумарион.

— А что не так? — спросила, но всё-таки заглянула в маленькое зеркальце.

И чуть не выронила из рук. Мои глаза!

Радужки были залиты тьмой, а вокруг зрачков мерцало фиолетовое потустороннее свечение, как у этого духа.

— Без паники, — почувствовала накатывающий с новой силой страх.

— Я стала... ведьмой или превращаюсь в монстра? — сорвалась с моих губ самые страшные догадки.

— Нет, ничего из этого.

— У меня в глазах тьма!

— Это твоя сила. И её нужно научиться контролировать.

Я мучительно застонала, как всё непросто! Ну да, Кристан, ты же не думала о том, когда шла в астрал за спасением, что проблем прибавится уйма, конечно, нет.

— И как я должна это сделать? — спросила я, всё ещё не веря глазам.

— Это тоже не сложно, — с лёгкой усмешкой ответил Тумарион. — Главное — спокойствие и концентрация.

Спокойствие и концентрация. Вспомнила, как настраивалась перед заходом в астрал, и сделала несколько вдохов. Мысли утихли, эмоции улеглись.

— Ну вот, всё просто, — одобрил Тум, давая понять, что и с этим я справилась.

— Кристан! Ну что там с тобой? — голос мамы становился всё более нетерпеливым.

— Иду, мам, иду! — прокричала я, пытаюсь скрыть панику в голосе. Я резко отвернулась от зеркала и сделала шаг в сторону двери, но тут же остановилась и обратилась к Туму.

— А что, если я не смогу контролировать это... тьму? Что, если она возьмёт надо мной верх?

— Это не тьма берёт верх, Кристан, — его фиолетовые глаза полыхнули. — Это ты можешь позволить ей взять верх. Ты сильнее, чем думаешь.

Я не понимала, о чём он говорит, да и вникать не было времени. Отворив дверь, я вышла в коридор и спустилась на кухню. Думала, что Тум последует за мной, но на старой лестнице никого.

Мама хлопотала над плитой, встретив меня беглым взглядом, взялась за тарелки, наполняя скромным завтраком, по виду, овсяной кашей на воде.

— Доброе утро, — наконец произнесла она, нарушив неловкое молчание.

— Доброе, — ответила я, стараясь избегать её взгляда.

Тяжесть от вчерашнего сложного разговора никуда не делась, мне всё ещё было обидно, что она так со мной поступила. Она тоже смотрела с тревожной растерянностью и, кажется, не могла подобрать нужных слов.

Мы ели молча, между нами будто пролегла стена непонимания. Я старалась сосредоточиться на овсянке и пресном, чуть сладковатом вкусе, но мысли всё время возвращались ко вчерашнему разговору. Не было сил вот так молчать, но и переступить через себя не могла, мама поступила со мной нечестно.

— Спасибо за завтрак, — мой голос прозвучал тише, чем я рассчитывала.

Она вздохнула, отложила ложку и посмотрела мне в глаза. Я заметила, что она сильно переживала и, кажется, плохо спала, судя по тёмным кругам под глазами. Наверное, она переживала, что я сбегу.

— Я хотела как лучше, правда, — сказала она, и в голосе зазвучал трепет. — Можешь ли ты меня простить?

Задерживаю дыхание.

— Ты моя мама, самый близкий человек, — слова хоть и были искренними, но горечь где-то осадком осела на дно. — Больше у меня никого нет.

Мама опустила взгляд, чувствуя свою вину.

— Я всё ещё надеюсь, что ты пересмотришь свой взгляд в отношении семьи Фаринггрейвов.

Злость с новой силой всплеснула в груди.

— Давай не будем об этом.

— Но почему?

— Потому что мой взгляд в отношении этой семьи не изменится, — резко отрезала я и мама замерла.

Отодвигаюсь от стола, чувствуя как тесно стало за ним. Я думала она хотя бы немного подумает и скажет что ошиблась, но нет. И это было обиднее всего!

Мама вздохнула, но не стала спорить. Она понимала, что сейчас любые её слова лишь добавят масла в огонь.

— Хорошо, давай не будем, — тихо произнесла она, и в её голосе послышалась усталость.

Я встала и направилась к двери, чувствуя, как напряжение растёт с каждой секундой тишины. На мгновение я остановилась, думая, что, может быть, стоит вернуться, но обида удержали меня на месте.

Внезапное появление Тума в полумраке угла тесной кухни заставило меня вздрогнуть. Его силуэт казался ещё мрачнее из-за слабого света, который едва освещал комнату.

— Я не хотел перебивать, — сказал он и прыгнул прямо на стол. — Но, возможно, смогу помочь.

Мама посмотрела в сторону, куда уставилась я, и напряжённо спросила:

— Что такое, Кристан?

— Она не видит меня, — поспешил объяснить дух, — я — тьма, да ещё астральная, поэтому тебе лучше делать вид, что не замечаешь меня.

Моргнула.

— Всё в порядке, просто кое-что вспомнила.

— Хорошо.

— Я могу стереть ей память о письмах из Академии, о том, что ты вообще туда собиралась. Ты ведь хочешь в Корсоворн? Настоятельно рекомендую принять решение незамедлительно, у нас есть полчаса до того момента, когда в дверь постучит комендант и тебя обнаружат, а дальше передадут в руки драконов.

Его заявление было настолько шокирующим, что я не могла даже пошевелиться, осознавая надвигающееся событие.

— Кристан, ты меня слышишь? — нахмурилась мама, приподнимаясь.

Я вернулась к столу. Мама протянула руку и накрыла мою кисть и, вздрогнула.

— Такая ледяная! Ты случайно не заболела?! — спохватилась Элизабет, а я торопливо убрала руку за спину.

— Сделай это, — отвечаю Тумариону.

— Ты о чём, Кристан? — мама взялась за столешницу, чтобы подняться, но вдруг застыла на полушаге.

Тумарион прыгает и приземляется перед ней. Чашки и приборы его будто не касаются, все предметы проходят сквозь него. Всё это произошло так быстро, я не успела даже моргнуть. Она полностью обратилась в статую, на лице застыла будто восковая маска хмурости, в глазах — беспокойство, губы чуть раскрыты, а пальцы вцепились в стол.

— Что ты сделал?! — бросилась я к маме, обхватив плечи. — Мама! — тряхнула, но бессмысленно, она никак не среагировала!

— Уверяю, с ней всё в порядке. Ты же сама дала согласие, и я делаю то, что просишь.

Я попыталась схватить наглого кошака, но не тут-то было, я будто обхватила воздух, а тьма, что наполняла меня, хлынула в духа, увеличив его в несколько раз. — Осторожней, ты ведь не хочешь разбудить демона? — громыхнул пугающе гулкий, как гром, голос из глубокого провала.

Я тотчас отдернула руки и отшатнулась, тьма хлынула к моим рукам, а дух принял обычные формы. Мне что, нельзя до него дотрагиваться?! Сердце гулко билось. Боги, что происходит?

— Она временно заморожена во времени, — терпеливо объяснил Тумарион. — Мы должны завершить заклинание. Времени мало, — напомнил Тумарион и посмотрел в сторону окна, где нависли тяжёлые плотные тучи над городом.

Он повернулся к маме, и его сиреневые глаза полыхнули, озаряя её лицо фиолетовым свечением.

С ужасом наблюдала за этим, не в силах пошевелиться.

К счастью, это заняло меньше минуты, как ни в чём не бывало Тумарион спрыгнул со стола, оставляя маму, которая продолжала сидеть, не шевелясь.

— Идём в комнату, у нас несколько минут, она скоро очнётся, а нам нужно зачистить все следы.

— Но как я её оставлю? Она ведь будет переживать! — сердце наполнилось тревогой. — Я не могу так с ней поступить!

Тумарион задумался.

— Напиши ей письмо, — предложил он. — Тебе в любом случае придётся её оставить на время.

Я сжала кулаки, глянув на маму. Тум прав, я бы всё равно оставила её.

На негнущихся ногах я проследовала за ним. Мне ничего не оставалось, как довериться порождению астрала, помогает ли он мне или запутывает, я не знала. Не происки ли это ведьмы, которая приказала своему слуге избавиться от меня навсегда?

Но мама и я до сих пор живы. И если он говорит, что меня скоро обнаружат, значит, я должна довериться. Я ведь не хочу попасть в руки ящеров? Нет, нет, нет и нет!

— Одевайся и складывай в сумку всё необходимое. Быстрее! — торопит Тум.

И я поторопилась. Что я могла взять, у меня не так много вещей, да и те не самые дорогие, которые можно забрать с собой, поэтому обошлась самыми практичными: шерстяной вязаный коричневый пуловер, брюки с начёсом, перчатки, шарф. В сумке со вчерашнего дня всё было сложено: письма, несколько ценных книг по магическим путям, деньги, карта, медальон, который у меня до сих пор на шее. Пожалуй, и всё.

Взяв перо и чистый лист бумаги, я принялась быстро писать, самое основное — чтобы она не искала меня, что со мной всё хорошо и я в безопасности — в конце пообещав, что обязательно вернусь, когда придёт время.

— Я готова, — сказала, сложив письмо вдвое, и взяла сумку.

Тумарион прыгнул на стул и обвёл взглядом комнату, вдруг он расплылся будто чернильным облаком в воздухе и скользнул потоком по столу. Я не могла поверить глазам, когда один за другим начали пропадать вещи, просто исчезать! Все книги, тетради, мои конспекты и даже письменные принадлежности, всё то, с чем было связано моё стремление попасть в академию!

— Как ты это сделал?! — подхожу я, касаясь пустых полок. — Куда всё исчезло?

Дух перетек на стул, сформировавшись плотным телом.

— Отвечу потом, идём.

Мы спустились вниз, я вернулась на кухню, где по-прежнему сидела мама. Положив письмо на стол, я обняла её.

— Как только я открою путь, я вернусь за тобой, обещаю. У нас всё будет хорошо, мама, прости, что так поступаю, — глаза защипало, Тумарион хоть и не мешал, но значительно нервничал, виляя длинным хвостом. Отстранившись, я быстро покинула кухню.

...За утро снег, который выпал за ночь, подтаял, и густой туман окутывал старые строения домов и башен плотными, белыми как молоко одеялами.

Я всё отгоняла тяжёлые мысли, сюда я вернусь не скоро, как минимум через три года. Это долго или мало? Я не знала, но на кону стоит вся моя дальнейшая жизнь. Буду ли я тенью, которую будут использовать Фарингрейвы, или окончу Академию и стану сильным магом?!

Тум следовал впереди, переставляя когтистыми лапами, не оставляя на слякоти следов. Он легко передвигался в сумраке и растворялся в нём, когда это необходимо. Прохожие не замечали страшное существо, для человеческого зрения он оставался невидим. Если он обладает такими способностями — стирать память, перемещаться в пространстве, растворяться, парализовывать — то что могу я, кроме как поглощать сумрак? А он — кошусь в сторону — тянулся ко мне щупальцами, струился ручьями из тёмных переулков, теней, разбитых окон, отовсюду.

Мне всё ещё было жутко и непривычно.

— Куда мы? — спрашиваю, когда поворачиваем на узкую улицу, ведущую на главную проезжую дорогу.

— На ближайшую станцию. Приготовь свой кошелёк.

— Так будет всегда? — интересуюсь я у своего незримого путника.

— Первое время да, а после по необходимости, когда научишься контролировать силу, ты почувствуешь себя увереннее.

Мы продолжили путь через пустынные улицы, следуя извилистым маршрутам, которые, казалось, знали только мы: я, Лика и Росли. Мир вокруг всё так же казался серым и пустым, зима — неприветливой и колючей, но теперь я знала, что под поверхностью видимого скрываются иные, невидимые слои. Тьма Тума — её метаморфозы, сумрак и её сущность. И мне надо было научиться управлять этим мраком, иначе он поглотит меня целиком, как Тум поглотил мои вещи. Брр. Что за страшная сила теперь во мне? Не хотелось об этом думать сейчас.

— А что, если я не смогу научиться? — отозвалась я, чувствуя, как холодок, пробравшись под воротник, струится по спине.

Тум временно приостановился, и я тоже. В его паузе ощущалось что-то тревожное, но, возможно, это моё воображение.

— Ты сможешь, — было единственным его ответом, — ты же не хочешь попасть к ящерам?

— Нет.

— Значит, всё получится. Но нужно быть осторожной, неизвестно, как отреагируют другие на твою способность.

И этим поселил во мне новые тревоги...

Я повернула, но тут же отпрянула назад, за угол, прижавшись к кирпичной красной стене. Лика и Ролси стояли под часовой башней. Я совсем забыла, мы договорились ещё вчера, что встретимся утром!

Девочки ждали меня, хотя я уже сильно опаздывала на встречу. Ролси должна была что-то придумать, чтобы разрешить мою сложную ситуацию с драконьим родом.

— Нам нельзя задерживаться, — сообщает Тум. — Элизабет читает твоё письмо и уже скоро отправится на поиски, есть вероятность, что она тебя догонит.

— Откуда тебе известно это? — удивляюсь я. — Так говоришь, как будто находишься в комнате.

— Я действительно там нахожусь.

— Что?! — холодок поднялся к затылку, пошевелив волосы. — Ты серьёзно?

— Абсолютно, я же тьма и могу находиться в нескольких местах одновременно.

У меня отнялся дар речи.

— И где ещё ты сейчас находишься?

— В данный момент с тобой, потом у тебя дома, в астрале, слушаю разговор твоих подруг и слежу за комендантом, сейчас он допьёт чай и отправится по адресу.

Я распахнула губы от ошеломления. Как он это делает?!

— То есть одномоментно ты можешь пребывать в разных местах?

Это наивысшее умение, которым никто из живущих в Амалькерии магов не обладал!

— Хорошо, а будущее ты тоже видишь?

Тумарион глянул на меня, сузив свои потусторонние глаза.

— Сейчас неподходящее время для таких разговоров, узнаешь всё со временем.

Он прав, если я сейчас задержусь, то они меня заметят и не отпустят просто так. А Ролси наверняка что-то придумала. Только я пошла своим путём, и назад дороги нет.

— Ты можешь воспользоваться мороком.

— Что? Я ведь не умею!

— Тогда я отвлеку их.

— Нет, — строго отрезала я, не хочу их обманывать. — ...Это слишком жестоко, — прошептала я.

Тумарион смолк.

Надвигаю на глаза капюшон, смотрю в сторону ряда домов и отталкиваюсь от стены, направляясь к темнеющему проулку. Тумарион двигался бесшумно, исчезая и появляясь в тених, и было ощущение, что он просто передвигался по воздуху, следуя за мной.

— Кристан! — внезапно раздался позади меня голос Лики.

— А удача была так близко, — саркастично фыркнул мой спутник, будто и не надеялся, что я останусь незамеченной.

Я с отречением остановилась, осознавая, что бегство только ухудшит ситуацию. Они не заслуживают такого ухода, столько сделали для меня.

— Постарайся отвязаться от них, — советует Тум и растворяется, то ли из солидарности, чтобы не мешать мне в общении с девочками, то ли женские разговоры ему не интересны. Я его ещё плохо знала, чтобы делать какие-то выводы.

Подруги догнали меня и набросились с расспросами.

— Кристан, мы уже хотели за тобой идти! — нежное лицо Лики выражало смесь облегчения и упрёка.

— Думали, за тобой жених явился, и уже составили план похищения, — хмыкнула Ролси, но её взгляд не был лишён тревоги.

— Мы волновались, — обхватила мои плечи Лица.

Я замялась, пытаюсь найти слова, чтобы объяснить своё поведение, но на ум не приходило ничего подходящего. Тумарион, всё ещё оставаясь в тених, наблюдал издали за нашей сценой, будто действительно заинтересован в моём спасении.

— Простите, что заставила вас волноваться, мама задержала, и... — каждое движение казалось тяжёлым, язык не поворачивался.

Лица нежно сжала мои плечи и посмотрела мне в глаза, её взгляд был наполнен заботой и непониманием. Она как всегда почувствовала моё состояние, даже когда я пыталась это скрыть.

Я многое скрываю в своей жизни, о многом приходится откровенно врать и недоговаривать со всеми и всюду, но ещё никогда я не врал своим подругам.

“И в кого ты превращаешься, а? Просто скажи им правду, хотя бы её часть”.

Девочки уставились на меня в ожидании объяснений. А что, если они не поймут, что я связалась с ведьмой и от метки избавилась? Что, если это опасно для их жизни?!

— Мне нужно идти, — начала я, голос дрожал. — Это важно. Простите.

Ролси нахмурилась, скрестив руки на груди.

— Мы твои подруги, Кристан. Мы могли бы помочь. Куда ты? Давай вместе.

— Правда, Кристан, куда ты спешишь? Ролси кое-что придумала.

Сердце сжалось, я никогда не забуду их доброты. Жаль, что даже им мне приходится лгать. Горечь сожаления разлилась по языку.

— Не в этот раз, — смотрю прямо в глаза брюнетки. — Я пойду, — я должна была хотя бы обнять их, но это вызвало бы сразу подозрения. На глаза навернулись слёзы, и я отступила, чтобы скрыть их.

— Ладно, — вмешалась Лика. — Если сейчас не получается, давай после работы как всегда посидим где-нибудь и всё обсудим, хорошо?

Лика уже что-то заподозрила, глянув настороженно на Ролси, которая не сводила с меня внимательного взгляда.

Я поджимаю губы и вопреки разрывающемуся на части сердцу киваю:

— Хорошо.

— Здорово! — подпрыгнула Лика и тихо, хотя рядом не было посторонних, добавила: — Думаю, он до тебя к этому времени не доберется. Обещаешь, что закончишь пораньше?

— Обещаю, — прошептала я, грустно улыбнувшись, сжимая пальцы в кулаки. Обещание, которое не будет исполнено.

— Тогда до встречи, — обняла Лика, и я заторможенно ответила, пытаясь запечатлеть этот момент в памяти.

“Мои родные, я буду скучать!” — кричал голос во мне, но внешне я лишь отступила, улыбнувшись Ролси, и развернулась, чтобы уйти, тянуть нельзя.

С чудовищно тяжёлым чувством я направилась в сторону теней, где ждал Тумарион, ощущая тревожность их взглядов у себя на спине. Я вытираю с подбородка катившуюся слезу и поднимаю взгляд на дорогу. Времени на сожаления нет — впереди меня ждут события, которые теперь изменят всё.

Едва я завернула за угол перекрёстка, Тумарион выпрыгнул из тени гибкой кошкой.

— Бежим, — бросил он и ринулся по дороге.

4.

Я запыхалась быстро. За духом не успеть, это я уже поняла, когда пробежала почти всю улицу.

— Нам нужно на главную станцию, — говорит Тум. — Как же проблемно здесь с перемещением.

— Это тебе не астрал, — хмыкнула я. — Здесь другие законы.

— Почему не для всех открыты магические пути? Что за дискриминация?

— А ты ещё умеешь возмущаться? Удивительно.

— Я быстро учусь.

Я посмотрела по сторонам, выискивая контрольный пост — первая сложность, о которую я разбилась, налетев с разбега.

Пальцы дрожат, когда я начинаю искать в недрах сумки свои документы.

Что, если меня не пропустят? Из нашего квартала не так просто выбраться, для всех мы второй сорт, отбросы общества, не нашедшие места в свете. Впрочем, в заброшенный район столицы попадал самый разный контингент, начиная от влиятельных чиновников, потерявших лицо перед правительством, и заканчивая расами, которые не вписались в строгие рамки общества.

Времена перемен и потрясений давно остались позади, но шрамами легли на судьбы тех, кто был вынужден искать здесь свой угол.

В лёгкие будто набились комья снега, заставляя часто дышать. Документы наконец-то находят свой путь, стремительно перемещаясь из недр сумки на свет.

— Постой, — останавливает Тумарион, прыгнув на каменное ограждение, за которым я копошилась в сумке. — Твоё имя, его нужно поменять на то, которое ты вписывала на конверты, отправляя в академию.

— Что? Ещё раз? — моргнула я растерянно, но молчание духа означало согласие. — Это невозможно, как я это сделаю?

— Магией.

Я даже по сторонам посмотрела, не услышал ли нас кто-то ещё.

— А как ты собралась действовать дальше, даже если бы ты знала, что должна будешь поступить в академию?

— Я... — прикусываю губу. На самом деле я надеялась, что мне это простят, когда вместо парня к ним бы приехала хрупкая девочка с искренними зелеными глазами и высокими амбициями. И они непременно бы простили и приняли, ведь я... я справилась со всеми заданиями на отлично! Наивно.

Да и что-то нужно было делать со своей внешностью, чтобы никто не смог узнать во мне беглую невесту.

— Может, ты его парализуешь? — посмотрела я на мужчину в форме в будке.

Дух глянул на меня так, будто услышал самое нелепое предложение.

— Да уж, согласна с тобой, — вздохнула.

Он-то может парализовать, но как быть с магическим регистратором?

Да, я, разумеется, знала много всяких заклинаний, которые применяла только в астрале, но чтобы использовать их физически, не хватало силёнок. Да, в прошлом родители имели мощный магический резерв, но в дальнейшем его заблокировали, лишив возможности развивать дальше. И с годами источник оскудел. У мамы так и пересох вовсе, а я даже не знала, что такое магия на самом деле, только из учебников.

Но сейчас я обладала ею, я чувствовала, что внутри меня с каждым поглощением тьмы что-то крепло и набирало силы.

Я подняла взгляд, наткнулась на кованую вывеску с названием магазина зельеварения и, перехватив сумку, направилась в ту сторону.

— Ты куда? — догнал Тумарион, кажется, он впервые не мог предугадать ход моих действий.

— Менять свою внешность, куда ещё? — не стала его мучить загадками.

Магазин с зельями выглядел старым и запущенным, но я знала, что это не показатель его возможностей. Внутри нас встретили таинственный сумрак, густые клубы пара, светильники с зеленоватым свечением и аромат трав.

Хрупкая старушка в очках с толстыми стёклами подняла голову от своего верстака и, прищурившись, посмотрела на меня с любопытством.

...Я купила у неё зелье, которое поможет изменить аромат моего тела и сделать более мужественным и резким. Ведь я знала, куда отправляюсь, в академии мне придётся столкнуться с сильнейшими магами, и запах — самая важная деталь, которую нельзя игнорировать. В академии наверняка будут те, кто особенно чуток к запахам.

И как только я расплатилась со старушкой, Тумарион прыгнул прямо на прилавок, кристаллические глаза знакомо полыхнули, погружая женщину в сон.

— Ты что делаешь?! Зачем?! — бросилась я к нему, но только поздно, бедная осела на стул, голова повисла на шее, а очки съехали на переносицу.

— Ничего страшного, пусть немного отдохнёт.

Я стиснула зубы, мне не нравился тот метод, к которому прибегал дух, против воли заставляя других отключать сознание, но ничего не оставалось, как терпеть, Тумарион значительно облегчал мне задачу и буквально устранял препятствия.

Повесив табличку “закрето”, задернув штору, заперевшись на ключ, я бросила сумку на деревянный прилавок и поставила перед собой овальное в старинной раме зеркало.

— Можно сделать из тебя голубоглазого блондина, — смотрит в отражение дух. — Но это слишком яркая внешность.

— И на неё нужно много магических сил, — добавила я. — Нет, я оставлю всё как есть, и волосы пусть будут такими, даже не буду стричь.

Они едва касались плеч, но, подумав немного, я всё-таки взяла в руки ножницы, которые нашла на столе вместе с верёвками, лентами и упаковочной бумагой.

Я всегда мечтала о длинных, до пояса локонах, делать из них красивые причёски, укладывать, украшать драгоценными заколками и лентами, распускать по плечам и чувствовать, как ветер ворошит их, но, кажется, этого никогда не будет. Сколько себя помню, у меня никогда не было длинных волос, поэтому не жалко их состригать, и те пряди, что падали на пол лавки, открывая участки шеи, я провожала спокойным взглядом.

Тумарион сразу же избавился от улик, поглощая их во тьме, а у меня закрадывалось ощущение, что он питается этой плотной энергией.

Пусть бы я ошибалась.

Тёмная магия опасная и редкая, я хотела изучать её, но в тех учебниках, попавших ко мне в руки, о ней почти ничего не сказано, так что, по сути, я не знала, чем обладаю. Правда, давно попала одна статья десятилетней давности, что некогда существовала тайная организация, которая истребляла магов с тьмой. Поэтому сейчас таковых практически не существовало, а если и были, то скрывались.

Я сжала в руке ножницы. А что если меня не примут с таким даром?

Об этом я не подумала...

Нет — мотнула головой — всё получится. Это статью видимо написал какой-то фанатик, или журналист искавший славы, и ему нужно было чем-то привлечь внимание.

Отложила ножницы и прошлась кончиками пальцев по коротким прядям, которые непослушно падали на скулы. Теперь я была похожа больше на подростка и до парня, откровенно говоря, не дотягивала.

Хорошо, что я была в штанах и кофте, не нужно искать подходящую одежду и переодеваться, а мой старый зимний серый сюртук с капюшоном настолько старого покроя, что непонятно, мужской он или женский.

— Теперь попробуй немного изменить внешность, совсем немного, не переборщи, — добавляет Тумарион.

Сильно менять внешность, согласна, не стоило, достаточно было создать качественное заклинание.

— Нужно же её призвать?

— Да.

Сердце волнительно заколыхалось.

— Смелее, у тебя получится.

Я развернула руки ладонями вверх, призывая тьму, но вместо того чтобы пролиться из меня, она хлынула ко мне со всех тёмных углов небольшой лавки.

— Спокойнее, — вмешался Тум. — Пусть будет так, потом ты научишься использовать внутренние силы.

— А это безопасно? Ну, то, что я черпаю её из внешних источников? Морок будет держаться?

Базу о магии я знала. Лучше, когда магия смешается с внутренним источником: ассимилировавшись и освоившись в физическом теле и эфирных телах, она гораздо безопаснее и сильнее стократ.

— Разумеется, лучше, — согласился Тум. — Но нам нужно торопиться, ещё будет время всё исправить, а сейчас сойдёт и так.

Заклинание на изменение внешности на самом деле не такое сложное, и часто я практиковала его в астрале, когда путешествовала по Бошпроуту.

Тьма окутала руки, забираясь под кожу холодом. С её помощью я спроектирую иллюзию, которая и будет держать магический слепок.

Первое, что сделала, это прибавила немного роста. Будет нелепо, если я окажусь самой низкой из парней, сколько насмешек тогда польётся в мою сторону, поэтому иллюзия роста — обязательный пункт. Дальше наложила морок на фигуру, сделав менее очевидными изгибы талии. Хорошо, что бёдра довольно узкие, от того ноги казались длинными, но всё же я не была из числа высоких девушек, например, как Ролси.

С лицом оказалось ещё проще, немного повыше скулы, погуще брови, уделила внимание шее. Анатомию сильно не изменить, но можно немного смоделировать видимые очертания.

Я работала мягко и аккуратно, не упуская ни одной детали, лепила тьмой словно из глины свою новую внешность. Тумарион помогал, собственно, он рассказал, что меня будут проверять не только по документам, но и артефактами, хорошо, что кровь не будут брать.

Не забыли и про ауру, в академии будут менталисты, и они раскусят меня на раз-два, стоит оказаться в их окружении, поэтому её пришлось усилить и сделать тяжелее, добавить грубых структур и убрать все отпечатки половой принадлежности. К счастью, на мне не осталось ни единого отпечатка, определявшего род. Их сняли сразу, как только нас выкинули на улицу.

— На этом, пожалуй, всё. Хотя нет! — провела ладонями по груди, иллюзия хоть и скрывала выпуклости, но если кто-то попытается меня обнять, то явно испытает шок.

Поэтому грудь я решила всё-таки стягивать. У старушки нашёлся новый рулон ткани, которым я и воспользовалась, не откладывая на потом.

Растёрла шею и запястье приобретённым зельем, теперь кожа приобрела горьковатые нотки абрикосовой косточки, и пусть он не совсем устранял мой аромат клубники, но мужественности заметно добавил.

Остались только документы, взяла их в руки.

— Документы нужно поменять теперь, комендант ведь шёл конкретно по адресу?

— Обыскивают каждый квартал. Это общая проверка, драконам не известно, какое у тебя имя, как ты выглядишь сейчас, с того времени прошло четырнадцать лет, твоя мама очень изменилась. А тебя никто никогда не видел.

— Значит, комендант не узнал, кто мы есть на самом деле?

— Не узнал бы, но занёс в свой список, по описанию, молодая восемнадцатилетняя девушка, зеленые глаза, каштановые волосы, твои детские портреты и снимки ещё в архиве.

Я закусила губу и тут же облизала. Юноши так никогда не делают. Над своими привычками теперь тоже нужно работать и не забываться.

— Здесь твоего прошлого никто не знает, кроме подруг. Я могу тоже стереть их память.

— Даже не смей, — процедила сквозь зубы, скосив злой взгляд на духа.

— Как знаешь, но я бы не рисковал, — настоял.

— Они не будут болтать.

— Дело не в этом, если драконы выйдут на твой след, они воспользуются услугами менталистов, а те умеют копаться в мозгах, уж поверь. И если Фарингрейвы узнают, что твои подруги покрывали тебя, то...

— Хватит! — перебила его резко.

Меня бросило в дрожь, страх подступил к горлу.

Я не могла так поступить с подругами, это подло! Как, впрочем, и с мамой. Но это для их же безопасности. У меня нет иного выбора, наша дружба оказалась опасной.

И во всём виновата это проклятая метка, если бы не она, то мама никогда бы не сказала, что прятала от меня письма, а я бы в какой-то момент перестала пробиваться в академию. Ну почему такая несправедливость?!

— Хорошо, делай как считаешь нужным, — хрипло произнесла я, опуская плечи, в тот момент как в груди залегло отвращение от собственных слов.

...Из лавки выходил уже парень, и пусть немного миловидный, но никто во мне не узнает Кристан Рейв.

Над голосом я поработала по пути, пробуя брать разные ноты, Тумарион как-то странно на меня поглядывал, но воздерживался от комментариев. В конце концов, я научилась разговаривать грудным низким голосом, сделав несколько упражнений для голосовых связок.

— Что? — посмотрела на Тума. В моих книгах были ещё и учебники по вокалу и музицированию.

И всё-таки волнение никуда не улетучилось, когда я вновь приблизилась к пропускному пункту.

Мои документы перешли прямо в руки угрюмого охранника. Он молча разглядывает меня, затем бумажки.

И пока он равнодушно изучает содержимое, сердце в груди сжимается. В этот момент перед глазами пролетают моменты моей жизни — улицы нашего квартала, заброшенные здания с цветными разбитыми витражами, посиделки в таверне с Ролси и Ликой, наши общие мечты. Я цепляюсь за них, но понимаю, что прошлая жизнь ускользает. И уже не вернётся никогда.

Ком подкатил к горлу.

— Кристоф Линс, — повторяет охранник моё новое имя вслух и поднимает взгляд, словно берёт на мушку. Секунды тянутся вечностью.

А в груди загорается что-то новое, вспыхивает звездой. Несмотря на все потери, за этой границей начинается моя новая жизнь. Я должна выйти из этой клетки, найти своё место там, за чертой, где светит другой свет, где, возможно, есть другой, настоящий дом. Я ведь так об этом мечтала. И пусть будет нелегко, главное, я теперь на пути к свободе.

“Как ты не поймёшь, что тебе там не место! Таким, как мы, не место! Мы для всех отбросы общества, от которых проще избавиться!” — внезапно всплывают из глубины слова мамы.

— Проходи, Кристоф, — охранник наконец возвращает мне документы, ничего не говоря, и просто кивает на дверь, указывая, что путь свободен. Но документ выскальзывает из моих замёрзших пальцев и падает в снег.

Я быстро его поднимаю, растерянно улыбаясь. Мужчина в ответ поморщился и отвернулся. “Кристан, соберись! Теперь ты Кристоф”.

Под этим именем я и отправляла выполненные задания в академию.

Я была так рада, что не могла долго спрятать глупую улыбку со своего лица.

Взглядом по привычке я нашла повозку и направилась к ней.

— Мы так к вечеру не доберёмся, — возразил Тумарион.

Экипаж стоил дорого, но дух прав. Зашагала в сторону припаркованных фор-мобилей. Магическая технология в Бошроут не стояла на месте и развивалась наравне с магическими путями. Транспортные передвижения создаются для людей. Магические пути для людей разной категории и магов, например служебного пользования, военного, секретного и других. Именно такие пути я мечтала научиться создавать в академии.

Сидя в фор-мобиле на заднем сидении, я углубилась в свои мысли, очнувшись только тогда, когда впереди показался просвет, льющийся между рядами зданий, а впереди показалась главная башня столицы Роттером, ржаво-оранжевого цвета, она скалой высилась над крышами с четырьмя башенками по углам, венчающимися остроконечными крышами, но самое таинственное и привлекающее взгляды многих — это циферблаты на всех четырёх сторонах. Основные, более крупные, ориентированы на человеческое время, а второе под ними, меньшего размера, магические циферблаты, показывающие время межпространственных путей.

— Приехали, — буркнул хмурый водитель, выдергивая меня из переполнявших эмоций.

Расплатившись с ним, я спрятала в карман кошелек и вышла на улицу.

В столице я бывала много раз, но только в астрале. И то, что я чувствовала сейчас, не сравнится с тем, что я видела в тонком мире. Будто схлынула пелена и глухая стеклянная стена, бросая меня в водоворот звуков, запахов, ощущений.

Здесь на дорогах практически не было снега, и воздух будто теплее, и тем не менее редкие хлопья падали с неба.

Улицы уже не такие тесные, а дома бедные. Всё больше попадались фор-мобили, припаркованные у зданий местной администрации, лавок, магазинчиков, кофеен.

Становилось шумно илюдно, господа, что встречали по пути, одеты вычурно и презентабельно: мужчины в дорогих костюмах, женщины в изящных платьях, сверкающих украшениях и с тщательно уложенными причёсками.

Роскошные витрины магазинов манили разноцветными вывесками и выставленными напоказ драгоценностями и дорогими товарами.

Я ощутила на себе всю динамичную атмосферу этого места — центр богатства и роскоши, где люди явно жили на широкую ногу. В контрасте с той частью города, откуда мы с Тумарионом пришли, здесь жизнь казалась беззаботной, наполненной удовольствием и возможностями.

До главной станции мы добрались пешком. Купить талон на маг-экскур оказалось легко. До Корсоворна два дня пути, поэтому для меня представлялась только единственная возможность — воспользоваться этим транспортом.

Корсоворн находился в закрытой местности на краю столицы среди снежных гор. Раньше был выбран в качестве местоположения из-за своей стратегической значимости и природной защиты, предоставляемой окружающими снежными горами.

Поднявшись в своё купе, я сразу закрылась. На экскурсах мы с мамой часто ездили, поэтому этот вид маг-транспорта меня не пугал. К счастью, пассажиров оказалось мало, и я спокойно расположилась на твердом сиденье. Потянувшись гусеницей, он тронулся с места, и я стянула с себя сюртук и расправила шарф.

Иллюзия действовала и для меня, поэтому видеть свои изменившиеся кисти было неприятно.

Потрогав руки, я ощутила свои тонкие пальцы и мозолистую кожу. Главное — ни с кем не держаться за руки, иначе это вызовет много недоумения.

Повесив на крючок одежду и откинувшись на спинку сиденья, я наконец смогла почувствовать себя в безопасности. За покрывшимся инеем стеклом начали мелькать постройки, заснеженные дороги и деревья, погружая изредка в тень каменных мостов, которые мы проезжали.

Уже через пару дней я окажусь в Академии, поверить не могу!

Сердце волнительно забило под стук железных колес. Сердце замерло в радостном предчувствии.

Только вот стоило подумать о маме и Лике с Ролси, как эта радость тут же померкла на фоне грусти.

Будто откликнувшись на мои чувства, с углов, уже не пугая меня, потянулись тени, они прильнули к рукам, словно требующие ласки котят. Я вздохнула с усмешкой, позволяя тьме заструиться по рукам вглубь моего существа колкой прохладой, а вскоре кончики пальцев озябли.

Любопытно, моя магия обрела свойства холода и мороза...

Неожиданный стук в дверь заставил вздрогнуть. Я быстро приняла расслабленную позу, сев на сиденье словно на трон, и придала лицу строгости, хотя мысли хлынули всякие разные. Кто это мог быть? Что, если что-то заподозрили на пропускном пункте? Ведь на этот случай я не придумала ничего.

— Да, — бросила я.

Дверь отодвинулась, и в неё заглянула молодая девушка с рыжими толстыми косами. Её до момента встречи со мной взглядом кислое выражение лица разгладилось, яркие брови приподнялись, а янтарные глаза наполнились любопытством.

— Доброго дня, нес.

Я прокашлялась в кулак, не ожидая, что ко мне будут обращаться подобным образом. Хотя в столице было принято обращаться вежливо, следуя традиции.

— Доброе, — отвечаю я басовитым голосом, нахмурившись ещё больше.

— Ваш талон, пожалуйста, — просит она, не отводя пристального взгляда.

Я кладу руку на сумку, чтобы достать его, и только тут осознаю, что всё-таки упустила одну деталь. Сумка у меня была явно женской!

Контролёрша это тоже заметила и как-то потускнела, наверное, подумала, что я не одна, а точнее, “не один”, скосила глаза на противоположное пустое сиденье и вернула вопросительный взгляд. Бросив неловкую улыбку, я сжала сумку и положила по другую сторону от себя, убрав с глаз девицы. Нашла быстро талон и вручила ей.

Девушка уж слишком долго его изучала, а на щеках почему-то появлялись бордовые пятна. А я уже начала всерьез нервничать, может, она что-то заподозрила? И где Тумарион? Скосила взгляд под столик. Интересно, можно как-то призвать духа, когда это необходимо?

— Что-то не так, неси?

Девушка моргает и торопливо возвращает талон.

— С вами есть ещё кто-то?

— Я один, — пожимаю плечами.

Лицо девушки заметно просияло.

— Тогда... счастливого пути, — проронила она и вышла, задвинув дверь.

Я удивленно смотрела на тонкую, покрытую резьбой створку. Ничего не понимаю.

— Кристоф понравился этой леди, — внезапно обозначил своё присутствие Тум, прочитав моё недоуменное лицо.

— Повесь, что ли, колокольчик на шею, — приглушённо, чтобы никто не мог подслушать, буркнула я, пропуская мимо ушей его замечание, и сунула в сумку талон.

— Может, есть какое-то средство, чтобы не привлекать к себе внимания? Или создать уродливый шрам? — покосилась на дверь.

— Шрамы только украшают, а девушки ими восхищаются.

Я поморщилась, вспоминая Мортиса, у него всё лицо в порезах, и это никак не привлекало. Не понимаю таких девушек, которым это нравится.

— Ненормально, если женского внимания не будет у такого миловидного парня, — вмешался в мои мысли Тумарион. — К тому же это только на руку, в будущем поможет получать большие преимущества.

— Ты о чём?

— Например, нужна будет помощь в заданиях, стоит тебе кому-то улыбнуться, и...

— Пользоваться этим — мерзко, — отрезала я. — Даже не стану этого делать из женской солидарности.

— Про это теперь забудь, теперь ты должна думать и действовать только в своих интересах, иначе не протянешь долго в академии, где учится элита. В крайнем случае, приготовишь отворотное зелье, если действительно разобьёшь кому-то сердце, в остальных случаях — сотрёшь всё из памяти.

— Ты по природе такой прагматичный? — поинтересовалась я, взяв сумку.

— Понимаю твои чувства. Но, к сожалению, не всегда можно обойтись без такого рода манипуляций. Просто важно знать, когда остановиться, и не переступить границу.

— Может быть, — согласилась я, — но всё равно неприятно думать, что приходится использовать кого-то ради выгоды. Лучше быть честным.

— Справедливо. Но иногда человеческая жизнь ставит в такие ситуации, где без компромиссов никуда.

— Ладно, надеюсь, мне не придётся прибегать к подобным методам, — буркнула я.

Тумарион уселся на мягкий диван купе напротив, сложив свой длиннющий хвост, и тактично промолчал. А я поставила сумку на деревянный лакированный столик и принялась отрывать всякие лишние запонки, нашивки, преобразовывая саквояж в нечто нейтральное.

— Всё равно придётся достать новую, — подытоживает дух.

— Ты можешь это сделать?

— Я могу только поглощать.

Бросаю на него заинтересованный взгляд.

— Ты мне так и не ответил, куда девал мои книги и все вещи, которые поглотил.

— Они исчезли.

— Это я поняла, но куда?

— Никуда, они просто исчезают, превращаются в тьму. В ничто.

Я замираю и выпрямляюсь.

— Ты серьёзно?

Он молчит. Я растерянно смотрю на него, осознавая, что всё, что было поглощено, больше не вернуть. Мои книги, все мои любимые истории и дорогие сердцу вещи — всего этого теперь просто не существует. Это понимание давит на меня.

— Почему ты мне не сказал раньше?

Он снова молчит. Конечно! Что он мог сказать? Он лишь помогал мне...

— Разве ничего нельзя сделать, чтобы вернуть их обратно? — с надеждой в голосе спрашиваю.

— Нет, — ровно отвечает он, не выражая никаких эмоций.

Я чувствую, как в груди разрастается чувство пустоты, едва ли не сродни той тьме, в которой всё исчезает. И снова опасения поднялись с глубины сердца. Может, мне не стоит ему так доверять, а наоборот, опасаться? Что я знаю о нём: он поглощает предметы, перемещается во тьме, стирает память, парализует, а ещё может находиться в нескольких местах одновременно!

— Так кто ты? — пришло время главного вопроса, который мучил меня с тех пор, как он начал проявлять своё присутствие в моей жизни.

— Не думаю, что ты готова услышать, — после некоторой задумчивости сказал он и, поднявшись, решил слиться с тьмой.

— Стоять! — рыкнула я, вкладывая в свои слова командный тон.

И каким-то немыслимым образом Тумарион замер, его тело, сотканное из тьмы, обтекало чернильными сгустками, сапфировые глаза кристаллизировались, я даже не могла понять, слышит он меня или нет. Дух будто бы попал в мертвую петлю.

Невольно стало даже страшно, что я натворила что-то непоправимое, испугавшись до чёртиков, машинально протянула руку, чтобы привести его в чувства, и коснулась его плеча.

Холод, исходящий от Тумариона, был почти осязаем, как прикосновение зимнего ветра, пальцы будто погрузились в ледяную воду. Но как только они соприкоснулись с ним, что-то изменилось. Чернильные сгустки начали медленно таять, позволяя сапфировым глазам снова наполниться жизнью. Он глубоко вздохнул, словно пробуждаясь ото сна, и посмотрел на меня с легким удивлением.

— Ты быстро крепнешь, — отметил лишь он, — ментальная магия начинает работать.

— Ментальная магия? — шок. — Но... но я не обладаю этой способностью, только в книгах читала про неё, я не менталист, — усмехнулась нервно я.

— Ещё какой менталист, ты, как и я, можешь стирать память, скрываться за счёт тьмы, быть невидимой, перемещаться сознанием и разделяться, находясь в астрале сразу в нескольких местах, а ещё ломать разум и отдавать приказы. И это только часть, я пока и сам не знаю, на что ты ещё способна, — последние слова прозвучали как-то кровожадно, будто это далеко не самое страшное.

Всё это опрокинулось на меня небом. Я откинулась на спинку дивана и захлопнула рот.

— Я... могу вернуть свои учебники?

— На это способны только светлые маги.

Облегченно вздохнула.

— Значит, надежда всё-таки есть. А всё остальное... Мне это не пригодится, — начала складывать всё обратно в сумку, отрицая услышанное, — зачем мне кому-то отдавать приказы и прятаться, а уж тем более за кем-то следить, — затараторила я, но внутри ширилось, словно воздушным шаром, волнение, готовое вот-вот лопнуть и разорвать меня на кусочки.

Я думала, что дух обидится, но он был совершенно спокоен, человеческие эмоции ему, видимо, чужды.

— Кто ты, Тумарион? — дрогнули пальцы, а к горлу подкатил ком. — Почему увязался со мной?

— Я...

Очередной стук в тонкое полотно двери оборвал важный разговор. Тумарион мгновенно скрылся в тени.

Вобрав воздух в лёгкие, призывая терпение и переключаясь, я выдала:

— Дааа.

Дверь с горохом отодвигается, и на пороге появляется контролёрша. На её лице сияет улыбка, а некогда заплетённые косы теперь распущены и струятся тёмными медными водопадами по плечам, в руках у неё серебряный поднос, на котором чайный сервиз. Из металлического носика струится пар.

Я удержалась от того, чтобы закатить глаза.

— Это кому?

— Вам. Вам, разумеется.

— Но я не просил, — грубым голосом отвечаю.

— Это наше особенное предложение для всех пассажиров, — перебила меня контролёрша, не теряя своей безупречной улыбки.

Сколько я помню, это предложение было только для первого класса, но никак не эконома, не помню, чтобы нам это предлагали, когда мы путешествовали с мамой.

— Позвольте мне налить вам чашечку чая.

— Хорошо, — нехотя согласилась я, подумав, что, возможно, всё-таки немного чая сделает поездку более приятной.

Она ловко поставила поднос на столик передо мной и начала наполнять изящную фарфоровую чашку золотистым кипятком. Благоухание свежесваренного напитка было на удивление заманчивым.

Колёса стукнули, вагон внезапно дёрнулся, девица удержала заварник в руке, но не удержалась сама, рухнула на меня, придавив к сиденью всем телом. Хотела поинтересоваться, не ударились ли она, но почувствовала, как в колено уперлась женская рука, а рядом с моей щекой скользнули розовые губы, и пахло ароматом карамели.

В ужасе распахнув глаза, грубо оттолкнула контролёршу от себя. И как-то не подрастала силы, по-видимому, приправленные магией. Она отлетела назад и плюхнулась на противоположный диван, обожгла пальцы выплеснувшимся из заварника кипятком, зашипела, выронив его, тот грохнулся на пол и раскололся на части, оставляя всю заварку на паркете.

Я моргнула, понимая, что девица сейчас бросится на меня с обвинениями, и даже успела приготовиться, но случилось нечто совершенно иное.

Она стыдливо расправила неприлично задравшуюся юбку на коленях и подняла виноватый взгляд. Вместо ожидаемого возмущения или гнева на её лице читался смешок и даже лёгкая ирония. Взгляд её был странно спокойным, и, казалось, она не держала зла за случившееся.

— Ну вот, — сказала она, глядя на осколки и разлитый чай, — мы и перешли на новый уровень знакомства. Неплохо для первого дня в пути, да?

Я растерянно смотрела на неё, не зная, что сказать.

Она, всё ещё улыбаясь, осторожно поднялась, избегая острых осколков, и, стряхивая чайные капли с рук, добавила:

— Не переживайте, нес, я это быстро уберу. Главное, чтобы вы не пострадали.

Я медленно кивнула, находя в себе силы заговорить.

— Извините. Я не специально, просто... это вышло внезапно.

Я боялась, что она заметила морок, когда прикоснулась ко мне, но, к счастью, обошлось. Или к несчастью, уж как посмотреть.

— В дороге случается всякое, — продолжила она. — К тому же это может стать началом чего-то захватывающего.

Она перешагнула через осколки и направилась к двери, чтобы вернуться вновь, но уже с салфетками и совком.

Откидываюсь на спинку дивана и прикрываю веки.

— Тумарио-о-он, — позвала страдальчески я, — так что ты там говорил о зельях?

5.

Кариан Фарингрейв

Окружение растворилось, свечи почти догорели, погружая комнату в густой полумрак.

И в его тусклом свете я смотрю на миниатюрный портрет зеленоглазой девочки, не замечая, сколько уже прошло времени.

Вместо того чтобы продумывать дальнейшие шаги поисков и анализировать информацию, которую получил от следопытов, я внимательно рассматриваю портрет той, которая должна стать моей истинной.

Этот портрет я нашёл в архиве: пришлось поднять целые тонны бумаг в семейном хранилище, чтобы хоть что-то найти о семейке Варнесальн.

Прищуриваю хищно взгляд, жадно отмечая все детали.

Глаза девочки, глубокие, как лесные озера, отбрасывают мягкий зеленый цвет. Возможно, мастер сильно приукрасил их глубину, или они на самом деле были такими, я не знал наверняка. Но если приглядеться, то вокруг черных, нарисованных будто углем зрачков серая дымка, словно листья в тумане.

Так или иначе, глаза девочки были поразительными, и, возможно, именно они заставляли не выпускать портрет из рук, в то время как в груди что-то ломалось и поднималась неподдающаяся контролю агония.

Я не знаю, что во мне пробуждалось, когда смотрел на волосы девчонки, мягким каскадом падающие на плечи полупрозрачным облаком. Наверняка они мягкие и приятные на ощупь. Пухлые губы клубничного цвета слегка приоткрыты и выражают лёгкое удивление, а щеки на светлой коже окрашены в нежный пунцовый, будто художник окунул кисть в бутон розы.

Я смотрю и ощущаю, как в глубине под ребрами сдавливает, а чувство неудовлетворенности вместе с жаждой и одновременно желанием избавиться от этих распирающих эмоций держат оковами.

Сжимаю челюсти, так что перед глазами плывут чёрные круги.

Никакой жалости! К тем, кто жаждал танцевать на плитах могил моих родителей. Ни капли сострадания, ни капли прощения. Никогда. Ни за что.

Я моргнул, сбрасывая напряжение, и перевёл взгляд на серую безликую обстановку, которая окружала на портрете девочку. Детские ладони лежали на обшарпанном столе, рядом стояла оплывшая свеча — всё то богатство, что имелось у них на тот момент. Художник изобразил всё как есть, а значит, у него не было намерения что-либо приукрашивать.

Здесь ей четыре года, это последний портрет семейства Варнесальн перед тем, как они исчезли из высшего света.

Ничего ценного мне не дал этот портрет, лишь представление о том, как могла бы выглядеть сейчас моя истинная. Судя по тому, что цвет глаз она переняла от отца, а волосы — от матери, я могу лишь предположить, что это шатенка чуть выше среднего роста, с тёплым, как солнечный день, оттенком кожи.

Ничего выдающегося, наверняка, если бы я увидел её среди остальных девушек, точно бы не заметил и прошёл мимо. Что касается характера, то здесь большо-о-ой пробел, но, скорее всего, она упрямая, невоспитанная и дикая, чего ещё можно ожидать от нищенки, прожившей всё это время на мусорке?

На этом всё. Подношу портрет к горячему языку пламени.

И почему-то задерживаюсь.

Что-то в её облике было непонятно мне, заставляло задуматься — слишком много доверия было в этом взгляде, слишком много, чтобы отмыть грязные дела своих родителей.

Смотрю словно в гипнозе. Воспоминания из прошлого всплыли сами собой. Однажды сестра притащила с улицы грязного дрожащего щенка и, свернув из своего одеяла ему уютное местечко, уложила на кровати.

Я помнил, как зашёл отец, его лицо было перекошено злостью. Он распахнул окно и выкинул зверька. Сабрина всю ночь рыдала в подушку. А я... Грудь резко полоснуло фантомной болью, рука над свечой дрогнула. Стиснув до ломоты челюсти, я убираю портрет с глаз, вкладывая в свою записную книжку, и захлопываю её, бросаю на стол.

Устало потираю виски, разгоняя непонятное чувство тяжести, что плавает в груди куском льда. Оно не покидало меня с того вечера, как метка появилась на запястье. В ту ночь я даже слёг и пробыл в каком-то бреду, драконий огонь выжигал грудную клетку и разламывал рёбра, я был на грани обращения, но какая-то неведомая сила погрузила меня под лёд стылой воды. Казалось, что я умру, слыша шёпот из тёмных вод. Неясный тонкий голос пытался достучаться до моего сознания.

Я так и не понял, что это было, но оно не отпускало.

Касаюсь пальцами слишком ледяного лба. Кресло скрипнуло кожаной обивкой, когда я поднялся. Отбросив неясную тревогу, я подошёл к окну, пройдя мимо горевшего камина.

За стеклом сыпал снег, укрывая плотным белым одеялом террасу и ландшафт нашего родового имения.

Я должен был вернуться в Академию ещё вчера, но поиски затягивались. Её до сих пор не нашли.

Ненавижу быть дома. Чувствую себя здесь словно в клетке.

Разворачиваюсь, окидывая взглядом камин, а у противоположной стены — огромную картину в массивной резной раме. Вспомнил гостью, которая посмела прийти через астрал в наш дом. Это страшно разозлило, кто мог набраться такой наглости и явиться сюда? Это могла позволить себе только Летиция: дай ей волю, она заявится и в мою постель, только пользоваться астралом не для её ума. И у меня было сильное сомнение на этот счёт. Но если не она, то кто ещё мог на такое решиться? Явно бесстрашная.

Найду — придушу нахалку.

Всё ведь было под контролем, но судьба с возникновением этой никчёмной метки решила проверить мои нервы, а заодно и личные границы, которые до этого не смел никто нарушать.

Возвращаюсь к столу, подбирая записную книгу, чтобы отправиться в свои покои, но чуткий драконий слух улавливает басистый голос отца.

В большой гостиной что-то происходило. Визит незваных гостей, в такой поздний час?

Чем дольше я прислушивался, тем разборчивее были слова, которые сковырнули старую рану. А ведь я только начал забывать за год учебы в Академии методы, которыми пользовался Дейрас Фарингрейв. Его внутренние дела часто привлекали людей разного сорта, и порой разговоры приобретали совсем не деловой характер.

Покинув комнату, я вышел в коридор, не желая быть свидетелем этого всего. Голос отца разносился по коридору четко и уверенно, другой откашливал слова отчаяния, умоляя о пощаде. Я часто был свидетелем подобных разбирательств, отец также решал свои проблемы способом, который мне иногда было не понять, но я избегал мыслей об этом.

Разворачиваюсь, чтобы подняться наверх, но торопливые шаги за спиной догоняют.

— Вот вы где! Его сиятельство просит вас в гостиную, — суетливо протёр белым платком высокий гладкий лоб слуга.

— Скажи ему, что я занят, — продолжил я свой путь.

— Прошу вас, — голос Бенсона приобрел характерные нотки усталости.

Я остановился на мгновение и оглянулся на него.

Время не щадит, за этот год Бенсон — наш камердинер — заметно постарел, его седой хвост посерел, морщины углубились, а плечи стали суше. Передо мной стоял уже старик.

Он слегка нагнулся вперёд, подтверждая мои наблюдения. Работать под руководством герцога было непросто, и любой отказ мог стоить слуге дорого.

— Сейчас подойду, — бросил я.

Бенсон признательно согнулся в поясе и отправился докладывать, а я, набравшись терпения, последовал в гостиную.

Картину я застал не самую приглядную.

Мужчина возраста отца стоял на коленях, его испуганный взгляд набросился на меня с отчаянием утопленника, когда я вошёл, на лбу поблёскивали капли пота, он так нервничал, что волосы, став сальными, небрежно падали на лицо сосульками. Он забыл, что марает свой дорогой костюм о паркет, вытирая им следы от туфель. Отец нашёл очередную жертву и ударил в слабую зону.

Бенсон тут же подал мне напиток. Я сделал глоток, обжигая горло крепким алкоголем. И бросил взгляд на отца. В совершенно чёрных, как колодцы, зрачках графа разгорался пир, где подавали горячим блюдом чужую боль, которой он наслаждался с довольной ухмылкой, смакуя каждую секунду, выпивая по глотку, словно самое изысканное вино.

Отворачиваюсь и падаю в кресло, развалившись в нём.

— Ты меня звал? — скрипнув зубами, смотрю вперёд.

— Да, у нас тут возникла проблемка, — вальяжно закинул ногу на ногу отец, — уважаемый Николас Васс уверяет, что его действия были лишь недоразумением, и он готов уладить всё, как только соберется с мыслями.

Но отец не был склонен к милосердию. Улыбка на его лице говорила о том, что он уже принял решение и моё присутствие лишь комедия, вряд ли она принесёт радость Вассу.

Отец всегда считал свои методы безупречно эффективными, в последнее время он втягивал меня в них. Он предпочитал лишать своих оппонентов всех возможностей к сопротивлению, прежде чем давать им второе дыхание. Но смотреть, как человек разрушается на глазах, тяжело даже для меня.

— Это так, я клянусь, пожалуйста, не лишайте статуса! Моя жена... она не переживёт, у неё слабое сердце... — его глаза не моргали и слезились от перенапряжения, и в них медленно и мучительно умирала надежда.

— Что скажешь, Кариан? — обращается ко мне отец.

Тишина давила на слух, а тени будто холодили затылок.

— Кариан, что скажешь? — буравит Дейрас взглядом.

Я глянул на него.

— Думаю, что у него нет шансов, — отстранённо смотрю я на него.

Отец расплывается в ухмылке, но от меня не ускользает, как он рассматривал меня с пристальным вниманием, будто в чём-то сомневался.

Васс дёрнулся и пополз на коленях в мою сторону. Гнев оглушал до такой степени, что я едва сдержался, чтобы не прибить его раньше времени. Ничтожество, пусть даже не смеет меня задевать.

— Я всё исправлю, — бессильно прохрипел и затрясся, — я клянусь. Дайте мне шанс, пожалуйста.

Внутри дёрнуло. Стискиваю стекло в пальцах, отвращение подкатывает к горлу, я напряжённо сглатываю. Жалкий червь, какой же жалкий и убогий.

— Чем ты готов заплатить за убытки? — контрольный выстрел отца, который обычно убивал остатки гордости.

— Зап-платить? Сколько? Я дос-стану! Т-только скажите!

— Деньги меня не интересуют, — небрежно кидает отец, поднимая руку, в которой держит артефакт магических путей — сердце любого мага. Без него жизнь Васса ничего не стоит.

Глаза мужчины застилают страхом, они панически бегают, со лба льётся градом пот, блестит в свете разгорающегося камина.

— Подумай хорошо, — предлагает Дейрас Фарингрейв, его пальцы по-прежнему играют с артефактом.

— Д-да-да, я думаю, — зажмуривается Васс. — М-моя внебрачная дочь... Да! Я м-могу предложить её в качестве компенсации, да. Она ещё очень юна и ничего не смыслит в магии. Прошу тебя, Дейрас, дай мне немного времени. Я найду что-то более ценное, чтобы искупить свою вину.

Фарингрейв усмехнулся, слегка прищулив глаза.

— Твоя дочь, говоришь? — его голос звучит задумчиво, но в нём сквозят холодная насмешка и интерес. — Может, со временем она станет более полезной? Однако времени у тебя мало, Васс. Очень мало. Иначе ты знаешь, что тебя ждёт.

Васс судорожно сглотнул, понимая, что на горло наступили каблуком сапога. Он знал, что мы не из тех, кто будет терпеливо ждать, пока долг остаётся неоплаченным. Решение нужно было принять здесь и сейчас.

— Я-я обещаю, она будет обучаться! Я заставлю! Уже есть маг, готовый взять её в ученицы, — с надеждой в голосе добавил Васс. — Дай мне месяц. Всего месяц.

— Не нужно её никуда отдавать, — кладёт величественно ладонь на подлокотник Дейрас. — Пришли сюда, я сам обучу её всему...

Я глянул на отца, думая, что он разыгрывает этого слизняка, но в его взгляде было то, что вызвало недоумение и отторжение. В глазах Дейраса была похоть.

— И запомни, не исполнишь обещание, будут последствия, — ковал он слова из железа. — И не только для тебя...

Васс судорожно кивнул, полагая, что получил отсрочку, чтобы спасти свою шкуру и статус, отчётливо понимая, что игра с Фарингрейвами может закончиться лишь одним — нищетой.

Отец бросил на пол артефакт, Васс схватил его и кинулся к моим ногам, принялся лобызать сапоги.

— Пошёл прочь, животное! — рыкнул я.

Он отскочил, взвизгнув как жалкая псина, и выскользнул из гостиной.

Кровь кипела в венах, отстукивало в затылке молотом напряжение, бросив на отца взгляд, я оставил стакан и поднялся, чтобы уйти.

— Сядь, я ещё не закончил.

Раздражённо падаю в кресло обратно, смотря в сторону кроваво-алого камина.

Отец медленно берёт портсигар, и вскоре комнату наполняет горький запах таира.

— Унижаться — гораздо худший вид гордыни, чем превозносить себя не по заслугам, — проговаривает нотацию отец.

Я поворачиваю к нему голову, облако дыма застилает его тёмные холодные глаза. Его философия мне непонятна, как и методы взаимоотношений. Этот Васс ничтожество — с этим я был полностью согласен, его место на помойке, он даже не попытался себя отстоять. Презираю бесхребетных.

Отец откинулся на спинку кресла, медленно выдохнув дым в сторону потолка. Этот жест казался почти театральным, как и многое в его словах.

— Что насчёт истинной, есть новости? — продолжил он, затрагивая острую тему, задумчиво разглядывая сигарету. — Нашёл её?

— Нет, — отворачиваюсь и стискиваю зубы. — Завтра я возвращаюсь в академию.

— Ты никуда не поедешь, пока не найдёшь её.

Я бы мог сказать, что она мертва, но метка на моей руке говорила об обратном, как бы я ни мечтал об этом, проблема не решена.

— Возможно, её уже нет в столице, понятия не имею, где её искать, не отправляться же мне самому на её поиски.

— Если надо будет, то отправишься.

Подлокотники под моими пальцами затрещали.

— Послушай, у меня есть свои дела, кроме как гоняться по всей Амелктерии за этой нищесбродкой.

— Если ты не найдёшь её, у тебя будут серьёзные проблемы. Найди её, — вбивал каждым словом гвоздь в мой гроб Дейрас.

На лбу снова проступила нездоровая испарина, а глухая тревога дала о себе знать.

Мне было прекрасно известно, что скрывал под давящей интонацией отец: угрозу лишиться меня всего. Стоило ли верить? Не знаю, но иногда казалось, что он способен на это. Не задумавшись ни на секунду, избавится от меня так же хладнокровно и жестоко, как от того слабого щенка, которого выкинул в окно, отняв у Сабрины.

Холодок прошёлся по телу ознобом.

Напряжённо сглатываю, прикрываю веки, сохраняя усилием воли непринуждённый вид, и поворачиваюсь к нему. Наши взгляды скрестились. Я прекрасно понимал, зачем она сдалась Дейрасу, этот союз укрепит наш род — связь с истинной всегда считалась большим преимуществом, особенно для тех, кто на верхушке власти. Он не отцепится, пока я не разрешу этот вопрос. Но как же утомляет одна мысль о том, что придётся мотаться по всем трущобам в поисках неё.

Крылья носа дрогнули, я рывком расстёгнул верхние застёжки рубашки — слишком душно и тесно становится в его компании. Поднялся с кресла и направился к выходу.

Дейрас не стал на этот раз останавливать, но я чувствовал его тяжёлый взгляд, давящий на затылок. Знал, что я собираюсь сделать.

Всё что нужно — это метка, артефакт магических путей и моё твёрдое намерение достать девчонку вместе с неопишуемым желанием разнести всё в пух и прах.

Глянул на книгу, где лежал портрет.

— Ну и где ты прячешься, отребье? Выходи.

Дёрнул вверх рукав, открывая запястье, буквально атаковав метку своим яростным намерением. Она полыхнула золотом, запульсировала и обожгла запястье, укусив своими острыми зубами, будто в отместку. Стиснув челюсти от боли, я выждал, когда мутная пелена схлынет с сознания, произнёс череду заклинаний.

Светящийся серебристым светом прорыв полоснул клинком воздух передо мной, соединяя меня астральным путём с той, которую сейчас я ненавидел до слепоты, из-за которой вынужден делать то, что вразрез шло с моими стремлениями.

Впрочем, сконцентрироваться мне нужно на другом. Выяснить её местоположение. И я не собирался тратить время на церемонии.

Свет из артефакта стал ярче, проникая в каждый уголок моего сознания, оставляя едва ощутимое жжение. Словно невидимый компас, он указывал путь, вибрируя с каждым стуком сердца всё сильнее, как если бы само пространство стремилось указать мне верное направление.

Этот метод был опасен и требовал полной концентрации, по-хорошему, путь нужно проверить и сделать безопасным от прорывов, поглощений и ловушек, но у меня не было выбора и времени.

Я почувствовал, как астральная связь усиливается, тянет за собой тёплое и пульсирующее ощущение, похожее на магический след, оставленный той, кого я намеревался поймать. И пусть виски сдавила раскалённым жгутом боль, теперь я мог видеть её, даже не закрывая глаз, а точнее, её астральный свет.

К Тенису все правила! Я найду её или провалюсь в Галгофу!

Мои губы скривились в хищной ухмылке, когда я почувствовал её — попалась.

Шагаю в портал. Он встречает меня световой воронкой, утягивая в свою глубину. Нельзя пользоваться им без тренировок разума, иначе можно свихнуться.

Отец говорит, что нужно подчинять путь себе... А путь просто есть, и он не нуждается в чём-то контроле...

Помещение, куда я вошёл, встретило полумраком и прохладой. Мрачные стены плакали подтеками штукатурки, балочный потолок надрывался под превратившейся в труху крышей, голые полы сиротливо скрипнули подо мной, когда я поворачивался на месте, рассматривая невзрачное жилище.

А чего ещё можно ожидать? Нищенский квартал, где могла проживать моя избранница — отхожее место Бошпроута, и в эту задницу угораздило попасть и меня.

Вонь сырости и старья въелась в ноздри прогорклым смрадом, его разве что перебивали трещащий в камине хворост можжевельника и неожиданно — аромат выпечки, тянущийся из другой комнаты, откуда через толстую щель сочился желтоватый свет.

Он воскресил в моей памяти смутные картины из прошлого, которые тут же рассеялись.

Быстрые шаги, скрип двери. В дверной проём, бросая длинную тень на пол, кто-то выбегает.

Каждая мышца тела напряглась.

— Кристан?! — раздаётся пронзительным эхом и разбивается хрустальным дождем о стены.

Шатенка схватилась худыми пальцами за дверной косяк и сильно побледнела.

Хотя её лицо нельзя назвать здоровым, впалые щёки, тёмные круги под большими блестящими глазами с тяжелыми веками. Кажется, худые колени под ветхим платьем подломятся, и она рухнет.

— Т-ты? — прошептала несса.

— Где она? — задаю я один-единственный вопрос.

Кристан... Это ведь её имя, хм... странно. Хотя я должен был подумать, что её могли назвать иначе.

Несса делает медленный шаг, и теперь я могу рассмотреть её лучше. Это её мать, сомнений быть не может. Невозможно спрятать королевскую выправку и горделивый разворот плеч, прямой взгляд и чётко очерченные благородные черты лица, которые передавались из поколения в поколение. Временем не сотрёшь.

Покидаю своё место, направляюсь в другую комнату, намереваясь сию же минуту найти её и убраться из этой дыры. Комнат было много, дом заброшен, и жилых было несколько, я открывал одну за другой, пока не оказался в той, которая была не заперта.

Быстрым взглядом выхватываю пустую заправленную кровать, старое бюро, сломанный стул. Это несомненно её комната, я чувал этот след, который был везде.

— Её нет дома, — твёрдый голос за моей спиной.

— Где она?

— Ушла, — прямо смотрит в глаза несса.

— Куда? Я пришёл за ней и не намерен ждать.

— Поздно. Ты её и не дождёшься, дракон. Лирейн сбежала.

Сощурил взгляд, медленно надвигаясь на хозяйку этой дыры. От меня не ускользнуло, как напряглись её плечи, как натянулись жилы на шее. Метка на моём запястье запульсировала, пробивая болью драконий панцирь моего самообладания.

“Сбежала”, — пульсировало в теле.

Этот факт я не желал воспринимать никак.

Точнее, не я, а дракон, взрывающийся яростью во мне. Он воцарился получить истинную, а я — убить.

Как у дикарки хватило мозгов свалить? Точнее, мозгов, видимо, у неё нет, раз думает, что сможет от меня скрыться. Найду, не знаю, что сделаю. Злость распирает, мне всегда всё доставалось легко, особенно женские особи, а тут какая-то замухрышка вздумала махнуть хвостом. Она либо дура, либо бесстрашная.

— Не злись на неё, она сильно испугалась, — делает шаг ко мне Элизабет Варнесальн, но вовремя останавливается.

Я внимательно посмотрел на неё. Её глаза, полные тревоги и даже страха, пытались отразить, может быть, последний проблеск надежды, что я смогу проникнуться её словами. Но этого недостаточно, чтобы остановить дракона внутри меня!

— Испугалась? — хмыкнул я, стараясь удержать контроль над своей яростью. — И это её оправдывает?

Я сделал шаг ближе, и герцогиня невольно отступила. Тонкие крылья носа дрожали от напряжения и тревоги. Пугать я умел, от отца научился, а вот давить слабых так и не смог. А надо — нельзя оставлять врагов в живых. Если отец знал об этом, почему не избавился...

Я остановился, сделав глубокий вдох, чтобы успокоиться. Она выглядела слишком беззащитно, совсем как Сабрина... И страх в воздухе можно было почти осязать. Противное чувство снова заворочалось в груди.

— Я не оправдываю её, она поступила плохо. Но её чувства можно понять... Лирейн... она просто... не готова была к такому.

Метка на запястье пульсировала сильнее, а потом болью внезапно застыла льдом, и дракон внутри меня, казалось, теперь контролировал каждое мое движение и слово с большим давлением.

Да врёт она! Но зачем тогда осталась, бежала бы с ней?

Я бы мог залезть ей в голову и выяснить всё сам. Вспомнив, что эта семейка разрушила нашу семью, желание загорелось сильнее, пырляло тупым ножом боли. Но... окидываю её снова взглядом — она сполна поплатилась, лишилась всего, погрязла по горло в грязи и нищете. Как только не сломилась, проклятая живучая кровь Варнесальнов. Столько лет прошло, а кровь травят до сих пор.

Отворачиваюсь и прохожу к бюро, рассматривая пустые полки.

— Куда она могла сбежать?

— Не знаю, она ушла ночью и оставила только... записку, — поднимает взгляд, полный тревоги, и этим злит ещё больше.

— Что за записка? Покажи, — в моем словарном запасе нет просьб и пожеланий, только приказы.

— Хорошо, сейчас принесу, — собравшись с мыслями и чувствами, проговорила она, не теряя гордости, не обращая внимания на мой тон, может, притворяется и тщательно скрывает, что ненавидит нас так же, как мой отец?

Элизабет вышла, доверчиво оставив меня одного в спальне своей дочери. Провожая её взглядом, нельзя поворачиваться к врагу спиной. И всё-таки аристократические замашки она в себе не растеряла — аккуратно прикрыла за собой дверь.

В комнате повисла тишина, будто каждый предмет ждал моего внимания. Я огляделся: вокруг были элементы привычного уюта, но они казались жалкими попытками преобразить эту пещеру в подобие комнаты.

Странное чувство беспокойства не отпускало меня. Казалось, что каждая мелочь — от аккуратно заправленной постели до книги, оставленной на тумбочке — является частью чьей-то бережной руки. Ни одного портрета на стене.

Как она хоть выглядит?

В голове всё равно роились мысли о том, что же на самом деле скрывается за внешней приветливостью, с которой Элизабет вынужденно принимала меня в своем доме.

Повернулся к постели, заправленной старым темно-зеленым велюровым покрывалом. Взял подушку, развернул и втянул в грудь воздух, вбирая настойчиво проникающий в голову запах. От подушки пахло Лирейн, или как там её теперь — Кристан. Тело подаётся вперёд. В голову будто хмелем ударяет тонкий аромат клубники. Делаю очередной вдох, потом ещё, жадно глотая его, будто того, что есть, мало. Мало не мне, дракону. Какого Тенисса он опять руководит мною? Но только я попытался взять под контроль это необузданное желание, как тут же поплатился душной волной жара по телу. Поморщился.

Со злостью бросаю подушку назад и обнаруживаю выпавшую розовую ленту. Подбираю, подношу к лицу. Пахнет так же — клубникой, только ещё насыщеннее, слаще, наверное, нищенка заплетала ею волосы на ночь.

Почему путь не привёл меня именно к ней? Разве метка не должна была... Что-то здесь не так.

Элизабет возвращается, а я сжимаю ленту в кулаке и прячу за спину.

Протягивает записку.

Я беру её и удивлённо приподнимаю брови. Почерк ровный, аккуратный, явно написано нежной рукой. В письме ничего, что могло бы подсказать, куда моя истинная направилась. Или это уловка и меня водят за нос?

Грохот в дверь сотряс осыпавшиеся штукатуркой стены.

— Эй, открывай! Я пришёл! — ревёт надрывно мужской голос.

— Кто это? — повернулся я к нессе.

Элизабет сглатывает, подбирает подол своей простой мешковатой юбки.

— Это Мортис, пьяница из соседнего квартала, разбойничает иногда тут. Я сейчас, подожди, — сказала она и направилась к двери.

— Кристан, открывай!! Я знаю, ты тут!

Имя истинной из чужой глотки оглушает. Ревность хлестко полосует кнутом, пробуждая вулкан ярости.

— Тебе от меня не убежать, открывай, я сказал, дрянь!

Герцогиня открывает замок двери, которая трещит от града ударов кулака и сапог.

Я выхожу из комнаты и облакачиваюсь лопатками о стену, пряча кулаки в карманы. Жду.

В дверях появляется тот, кого полноценным человеком нельзя назвать: смрадная псина с красной рожей и глазами, воспалёнными от гнева и алчности.

— Где Кристан?

— Кристан нет дома, уходи, Мортис, — пытается закрыть дверь хозяйка дома, но псина подставляет ботинок, препятствуя, а следом вклинивается в промежуток между углом и створкой, грубо толкая женщину в сторону.

Плечи дёргаются, но я остаюсь на месте, терпеливо-хладнокровно наблюдая, как пёс вламывается в дом.

— Кристан, выходи! — орёт во всю глотку.

— Тебе сказали, что её нет дома.

Этот Мортис резко разворачивается в мою сторону, трусливо подогнув колени, пытаюсь скрыть свою растерянность за нарочитой агрессией. Его глаза мечутся, как у загнанного зверя, но он старается держать маску опасного человека перед незнакомцем. Он медленно переводит взгляд с меня на женщину, которая уже оправилась от его грубого удара.

— Ты кто такой? — кивает пёс и оскаливается.

— Ты слишком много себе позволяешь, тебе не кажется? — бросаю я холодно, отталкиваясь плечами от стены, и делаю шаг вперед.

Мортис по инерции отступил, но вдруг встряхнулся, его лицо перекошилось в самодовольной усмешке.

— Она что, ещё одного хахалю себе нашла? М-да, дорогой костюмчик, ну и Кристан, вот же мелкая потаскуха, охмурила аристократа и не сказала.

Комната резко двинулась мне навстречу, а мой кулак впечатался в переносицу. Хруст, и массивное тело полетело назад. Под вскрик герцогини Мортис рухнул навзничь, сотрясая пол под собой.

Медленно приближаюсь к распластавшемуся телу.

Скорчившись от боли и зажимая нос, из которого хлестала кровь, Мортис попытался подняться, раскачиваясь неваляшкой, и замер под впечатавшейся в грудь массивной подошвой моего ботинка, который мог проломить рёбра при любом дальнейшем движении.

— Ты мне нос сломал, какого хрена?

— Это тебе за аристократию.

Я смотрю на него сверху вниз почти безразлично, держа его в безвыходной позиции. В комнате повисла тишина, только прерывистое дыхание Мортиса и капли крови, падающие на деревянный пол, нарушают её. Мой голос звучит спокойно, но твердо:

— Ты перешел черту. Никто не имеет права так говорить о ней, а уж тем более ты.

Взгляд моего оппонента полон немой злобы, но в нём мелькают страх и бессилие, он чувствует себя загнанным в угол и понимает, что допустил серьёзную ошибку.

— Да нужна она мне, — сжимает зубы. — Я хотел просто...

Я перебиваю его, усиливая давление своей ногой:

— Теперь ты знаешь, что не стоит играть с огнем. Кристан — не твоя собственность, и ты должен это уяснить.

— Скажи ей это, а не мне, она сама на меня вешается!

— Мортис, что ты такое говоришь?! — герцогиня медленно приближается к нам, её лицо бледное, глаза широко раскрыты от шока. Она не ожидала такого поворота событий.

— Это неправда, он лжёт, Кристан никогда бы...

Мортис зашёлся лающим смехом, приближая вероятность того, что он больше не сделает вдоха.

— Она такая! Сама меня звала сюда, предлагала своё тело.

— Кажется, ты не до конца понимаешь, с кем имеешь дело.

Наклонясь, хватаю пса за грудки, тот обхватывает мои руки, пытаюсь их сбросить. Рывком поднимаю его с пола.

Призвав свою драконью ипостась, буквально раскраиваю на части черепную коробку и сознание этого паскуды. Тот заорал, но сразу смолк, застыв с широко распахнутыми в леденящем ужасе глазами, перебираю завалы недавних воспоминаний. Пространство вокруг замерло в вакууме — свет приглушается, звуки затихают, оставляя только тяжёлое дыхание и топот

сердца в груди Мортиса, или то, что от него осталось, его разум ещё продолжал трепетать в моём захвате и полном контроле.

Погружаясь глубже, я ощущаю все его эмоции: злобу, страх, бессилие. Каждое воспоминание, каждая мысль словно обрывки ветра — хаотичные, беспорядочные. Но где-то там, среди этого хаоса, кроется правда, которая мне так нужна. Я иду дальше, перебирая ситуации словно старый архив. Лицо за лицом, место за местом, казалось бы, тут нет ничего важного, грязь, похоть, пьяная ругань. Но вот оно — едва уловимое чувство торжества, почти скрытое за стеной боли.

Это была она, Лирейн, её запах, нежное прикосновение ауры... И зеленые глаза.

— Уйди, Мортис, — мелодичный глубокий голос льётся в сознание ручьём, пробуждая каждую клетку тела. — Или я позову на помощь.

— Да кто тебя услышит?

— Что тебе нужно?

— А что ты можешь предложить?

— ...Пойдём, дома у меня кое-что есть...

Сознание накаляется, кровь ударяет в виски, затмевая разум. Значит, всё так и есть... Сжимаю зубы, намереваюсь раскрошить в труху всё вокруг.

— Кариан, не надо, оставь его! — доносится гул со стороны, ударившись о стеклянный толстый панцирь защиты.

Чувства смешиваются, моя ярость, триумф лёгкой наживы, нежное прикосновение...

— Есть больше, чем украшения... Магический артефакт.

— Покажи.

— Сначала отпусти...

Рывок, и она выпорхнула из рук словно птица, ринулась прочь.

— Стой!

Захват тонкого горла, нежного, горячего, рывок назад. Тупой удар разливается болью в паху.

— Я всё равно тебя достану, гадина!..

Мои губы оскаливаются в довольной ухмылке.

Фокусирую взгляд, пригвоздив им пса, закрываю дверь чужого разума, выпускаю ничтожество из рук, он падает с грохотом на пол, как мешок с камнями. Смотрит на меня мутным от ужаса взглядом, пытаюсь собраться с мыслями, не понимая, что произошло. Этот ужас ему ещё будет сниться долго.

— Никогда больше здесь не появляйся, не смей даже произносить её имя, — проговариваю каждое слово предельно доходчиво.

Он попытался подняться на ноги, но вновь рухнул на пол и пополз к двери на четвереньках.

Дракон радовался, что его самка оказала отпор. И возжелал ещё больше утвердиться в своих правах на неё немедленно...

Маленькая Кристан

И купе высшего класса

6.

Кристан

Наконец моя станция. Об этом провозглашает и оглушающий долгий гудок, сотрясая не только мои внутренности, но и внутренности самого маг-эскорта. Волнение играло в крови, до выхода осталось каких-то полчаса. За окном уже проскальзывают силуэты башен.

Ну вот я и в Корсоворне, в месте, в котором так долго мечтала оказаться! Страх поднялся сильный, но ещё сильнее чувство радости, которое переполнило до потери бдительности.

А бдительность мне остро необходима, иначе падать на землю придётся больно, если меня разоблачат или вежливо откажут, сказав, что ошиблись адресом и на самом деле приняли не меня.

Так, соберись, Кристан! Точнее, Кристоф. Кристан осталась где-то там, позади, в прошлом, как только я выйду из вагона, я уже не буду собой...

Открываю сумку и складываю свои вещи, тетрадь, блокнот с моей коллекцией открыток, которую взяла с собой и которая греет мне душу, напоминая хоть и бедном, но доме, ежедневник, металлическое перо с чернилами. Вроде всё. Ничего не забыла. Но на всякий случай заглядываю под стол, приподнимаясь на носочки, проверяя полку. Всё чисто.

Очередной гудок возвещает покинуть купе. И я тороплюсь, одеваясь в сюртук, заматываю шарф до самого носа и застёгиваю сумку, покидаю купе, зная, что Тумарион следует верно за мной.

Я пропускаю пассажиров и плетусь позади терпеливо.

— Добро пожаловать в Корсоворн! — раздаётся выученный наизусть голос контролёрши, кстати, её имя Мэйси Тильман, за эти два дня пути я узнала о её жизни всё, хотя предпочла бы не знать. — Всего доброго, несс, отличной учёбы, — сказала она тихо, когда я поравнялась с ней на выходе из вагона.

Я сделала вид, будто это сказано не мне, но лицо девушки сделалось таким печальным, что у меня сжалось сердце. Рука сама собой поднимается, махнув на прощанье. Мэйси замирает, а я схожу на перрон.

И с облегчением выдыхаю, шуря глаза от ослепительного искрящегося снега, который покрывает всю платформу. Морозный воздух мгновенно обжигает щёки, подстёгивая поскорее найти тёплое место. Это не слякотный Бошпрут.

Я резко выдыхаю, потому что в меня слёту врежется нечто маленькое и шустрое.

— Ой, простите, несс, — голубоглазый мальчишка лет семи с веснушками на лице просиял улыбкой.

— Будь осторожней, — ворошу его золотистые кудри.

— Спасибо, несс, всего доброго! — побежал мальчуган дальше, помахав мне.

Надо же, какой воспитанный.

Значит, здесь неподалёку есть какая-то провинция. Я обвожу взглядом окрестности, пытаюсь понять, куда мне идти дальше. Платформа не выглядит слишком оживлённой, хотя вокруг есть люди, одетые в тёплые одежды, с сугробами снега на плечах и шапках. Где-то вдали я замечаю небольшой вокзал или станционное здание, что в холодном воздухе выглядит приглашающе и обещает тепло.

Выхожу в арочные старинные двери вокзала, и... моя улыбка замирает на лице от открывшегося невообразимого вида.

Я оказалась на площади, обнесённой зданиями, и словно гигантским маяком — башня с порталными часами внушающая трепет и восторг. Но не это меня больше поразило, а стоявшие на самой площади как огромные киты два дирижабля — воздушный транспорт Корсоворна.

Ну конечно, академия же среди гор, и добраться туда можно только с воздуха, догадаться об этом было сложно, правда, Кристан?

И всё бы ничего... но есть проблемка. С детства боюсь высоты.

При тщательном рассмотрении на кабине дирижабля было написано красивыми узорными большими буквами «Академия Корсоворн».

— Спокойно, ты сможешь, — подбадривая себя, поправляю ремень сумки на плече, решительно шагаю мужской походкой к воздушному транспорту.

У него уже собирались пассажиры: двое, мужчина и женщина, понятия не имею, кто они, но выглядели сдержанно и сосредоточенно. Кутались в длинные сюртуки, уворачиваясь от холодного пронизывающего ветра, который разносил по площади серебристую пургу, от быстро набежавших над площадью облаков посерело кругом.

Я оказалась самой последней в очереди и всё, что делала, успокаивала нервы, смотря на воздушный пузатый балласт, плавно покачивающийся в морозном воздухе, в который врезались потоки ветра, просыпая снег на землю.

Мне предстояло впервые путешествовать на дирижабле.

Мои колени уже подгибались, не успела я приблизиться. Когда подошла моя очередь подняться на борт, позади послышался шум: откуда-то подлетела ещё толпа парней и одна девушка, и по одинаково тёмным зимним форменным сюртукам стало понятно, что это adeпты академии, об этом говорили и соответствующие нашивки с символикой Корсоворна. Загляде-
нье...

— Проездной, — в лоб ударил контролёр, худощавый мужчина с черными усами и бородкой.

— Проездной? — повторила я, моргнув, понимая, что меня приняли за такого же адепта. Те, кто позади, заметно притихли и теперь вслушивались в разговор.

— Если нет проездного, плати, — сказал контролёр.

— Хорошо, сейчас, — я отошла в сторону, чтобы не создавать очередь и не заставлять других ждать.

Парни один за другим начали подниматься на борт, а я полезла в карман за деньгами, да только обнаружила пустое дно. Паника накрыла почти сразу, облазила все карманы, но так и не нашла своего кошелька. И тут... вспоминаю того сорванца, что налетел на перроне.

— Вот же засранец, — шиплю я, продолжая в надежде искать.

Меня обокрали. Все деньги, которые были у меня, их больше нет. И как быть? Как мне теперь попасть в Академию?!

Мир словно рухнул. Холод поднимается из глубины и тянет меня на дно.

— Я заплачу. Проходи, — раздаётся рядом со мной мягкий женский голос.

Поднимаю взгляд. Синеглазая блондинка расстёгивает свою сумку, доставая кошелёк, и отдаёт контролёру несколько бумажных купюр.

Её доброта застаёт меня врасплох. Я не привыкла получать поддержку от незнакомцев, и это было странно и приятно одновременно. И не знала, как реагировать — обида и разочарование от потери ещё кололи. Хотелось найти этого воришку и вернуть то, что было утеряно.

— Спасибо, — пробормотала я, немного смущённая, смахивая с лица и глаз разметавшиеся пургой пряди волос назад. — Я даже не знаю, как отблагодарить.

— Не беспокойся об этом, — она улыбнулась мне легко и непринужденно, точно это была самая обычная вещь на свете. — У всех нас бывают непростые ситуации. Меня зовут Вирджиния Бэккер.

— Я Кристоф. Кристоф Линс, — отвечаю, чувствуя, как понемногу возвращается уверенность. — Действительно, не знаю, как бы я справился без твоей помощи.

— Ты ведь впервые в Корсоворне? Твоя одежда не соответствует, — замечает Вирджиния.

— Да, впервые.

Она кивает, и в её глазах мелькает понимание. Мы вместе поднялись на борт.

Внутри тепло и даже уютно, пассажиры рассаживаются на сиденья возле круглых со шторками иллюминаторов. Механизм под деревянным полом заурчал, завибрировал, как нутро дремлющего кота, напоминая о том, что предстоит подняться в воздух. Дирижабль внезапно дёрнулся, не успела я дойти до свободного места. Машинально хватаюсь за деревянный косяк. Вот же тьма! Рядом раздаются смешки.

Ни о какой мужской походке не могло быть и речи, скорее, я была похожа на котёнка, крадущегося по карнизу. По крайней мере, так я ощущала себя изнутри. Хотелось развернуться и сойти немедленно, на худой конец, лечь на пол и не двигаться. Но я таки прошла мимо парней почти расслабленно.

Облизав судорожно губы, падаю на спасительное сиденье за шторкой, прикрыв веки, собираясь с силами, немного становится легче.

“Где ты, Тумарион?!” — взмолилась я. С ним было бы легче, но дух куда-то запропастился. Может, тоже не любит путешествовать по воздуху? Предатель.

Кто-то рядом со мной что-то плюхает, распахиваю глаза, подбираюсь.

— Не против компании? — улыбается Вирджиния, наблюдая за моей реакцией.

— Нет, не против, — но на всякий случай отодвинулась ближе к иллюминатору. Я ещё не понимала до конца, как работает иллюзия, поэтому лучше перестраховаться.

— Вирдж, мы завтра в бар с парнями идём, давай с нами, с удовольствием предоставлю возможность заплатить за меня, — выдал один из парней.

— С каких это пор ты заделался альфонсом, Брайен, или родители опять лишили тебя карманных денег за плохое поведение? — не оборачиваясь, бросила в ответ блондинка.

Снова раздаётся хохот, уже теперь остальных парней. Вирджиния подмигнула мне, отворачиваясь, а следом послышались шаги. Тот, кого она назвала по имени, приблизился, схватившись за спинку нашего сиденья, наклонился к девушке, так что я заметила, как его глаза сверкнули серебром. Стихийник.

— Нарываешься, Вирдж, — беззлобно произносит блондин, волосы которого были пепельными, доходящими до плеч. — Как-то подозрительно легко всех ставишь на место. Единственная девушка в нашей команде, а языкастая, как настоящая ведьма.

— Ой, наговариваешь, Брайен, — Вирджиния беззаботно махнула рукой, но голос её звучал с издевкой. — Это вы тут все как дети малые, и меня в свои проделки втягиваете. Должен же кто-то вас в узде держать.

Брайен вроде хотел что-то ответить, но лишь усмехнулся и обратил взгляд на меня. Казалось, что он увидит, кто я на самом деле, раскусит как орешек. Я вся напряглась, этот зрительный контакт не прервётся никогда.

Парень хмыкает и смотрит на Вирджинию.

— Кто бы говорил, транжира, денег не хватит платить за всех зайцев. Мы тут не благотворительная организация, знаешь ли.

Слова хлестнули словно плетью, но признаваться в том, что меня смог обокрасть семилетний ребенок, было недальновидно, и я промолчала.

Вирджиния покачала головой и бросила на Брайена укоризненный взгляд.

— Не все могут быть такими удачливыми и магически одарёнными, как ты, Брайен, — ответила она, стараясь смягчить его отношение и одновременно уязвить.

Брайан выпрямился, сжал челюсти и вернулся к своим друзьям, которые устроились чуть дальше по проходу. Я взглянула краем глаза на Вирджинию и поняла, что познакомилась с ней не зря.

— Не бери его слова в голову, — бросила Вирджиния.

Да, пожалуй, она права, я попала совершенно в другую среду, незнакомую и непонятную, выросшая в бедном квартале, стиравшая пальцы в мозоли — к тем, кто с рождения ел кашу с золотого блюда.

И, казалось, на этом неприятности должны были закончиться. Но дирижабль дрогнул, шестерёнки его нутра заработали, и транспорт начал плавно поднимать в воздух, заставляя меня резко побледнеть. Поток ветра, качнув воздушный балласт, как ветерок — лист дерева, заставил судорожно вцепиться в подлокотники пальцами.

Вирджиния это явно заметила и полезла в свою сумку. Она отрывает мою руку от подлокотника и, разжав пальцы, кладет несколько сиреневых леденцов, похожих на таблетки.

— Ничего особенного. Обычное противорвотное и действует как успокоительное, госпожа Люм порекомендовала. Клади под язык, поможет перенести полёт, — взяла из коробочки другую таблетку и закинула себе в рот.

Понятия не имею, кто такая Люм, но выбора у меня нет.

— Что ж, спокойного нам полёта, — нервно хмыкаю я, закинув в рот леденцы, последовав её примеру.

Леденцы подействовали незамедлительно, тело расслабилось, и страх отпустил.

Дирижабль, прирученный магией, всплыл над площадью и облаком потёк по назначенному курсу, открывая снежные горные просторы на фоне плотных облаков, что постепенно сгущаются на горизонте, окрашивая небо в серые тона. Красиво...

— Сколько нам лететь? — интересуюсь я у Вирджинии. Кажется, мне очень повезло попасть с этой группой адептов на один рейс.

— Недолго, около часа. Летать нам придётся часто, держи, — вручает мне коробочку с леденцами, — у меня есть ещё, если что.

Она уже причислила меня к рядам адептов? Впрочем, от подарка я не отказалась, своих денег больше нет, и я понятия не имею, как быть теперь дальше. Сжимаю леденцы в пальцах.

Будет уроком, но всё равно досадно... Я столько работала, чтобы накопить эти деньги, экономя на одежде и еде, чтобы на вокзале меня просто обобрали как простака. Ухмыляюсь собственной наивности, но злости уже не осталось, то ли действие леденцов притупило эмоции, то ли я наконец-то почувствовала себя в безопасности, да и в тепле разморило. Смотрю, как мимо проплывают густые облака. Так или иначе, я уже скоро буду в Академии.

— Так зачем ты в Академию? — задаёт Вирджиния вопрос, будто услышала мои мысли.

— Хочу учиться в Корсоворне, — ответила я очевидное.

Девушка поворачивается, удивлённо моргая.

— Набор уже давно прошёл... Факультеты сформировались... наша команда первого курса в сборе, ты сильно опоздал, Кристоф.

Знаю... Но не говорить же, что мама прятала от меня письма и причина моего опоздания только в этом.

— Я серьёзно, Крис, — продолжает Вирджиния, явно тревожась, будто не я, а она оказалась на моём месте, — они не делают исключений. Даже если у тебя есть уважительная причина, все места уже заняты.

— Я хочу попробовать. Может, есть какой-то резервный список.

Вирджиния смотрит с сомнением.

— Нужно поговорить с деканом... Если ты прошёл вступительную подготовку и сдал все зачёты, то... есть шанс.

— Я прошёл, и уже много раз... — усмехаюсь я.

— Чем докажешь?! — раздаётся басистый голос над головой, так внезапно, что я чуть не вздрогнула, вовремя спохватилась.

Оказывается, парни уже давно грели уши, подслушивая наш разговор. Вирджиния разворачивается и бьёт кулачком в плечо Брайена, но тот как скала, даже не двигается.

— Не будь таким занудой, Брайен, — смеясь, говорит Вирджиния.

Он не отводит от меня взгляда, и я просто пожимаю плечами, стараясь сохранить спокойствие. Если им нужны доказательства, то они у меня есть, но я не собираюсь оправдываться.

— Ну давай, показывай! — буркнул Брайен. — А ты, — кивнул на Вирджинию, — не встречай, у нас тут мужской разговор. Или кто-то болтает слишком много, как девчонка, не подтверждая свои слова действиями? — добавил он с едкой ухмылкой, явно пытаясь задеть меня. — Что-то я не вижу выдающихся способностей, ни физических, ни магических.

— Брайен прав, как там тебя, Линс или Лис, чем докажешь? Мало кому удаётся сдать все зачёты, а тут не один раз, очень странно, — включился другой парень с веснушками на лице и круглыми очками на переносице.

— Кто твои родители? По виду и пустому карману не скажешь, что знать, — опёрся плечом о стенку парень с короткими волосами и холодными голубыми, как зима, глазами.

— Видишь, Линс, все думают, что ты тут лапшу на уши вешаешь, — подытожил Брайен.

— Ламберс, ты перегибаешь, — встревожилась Вирджиния.

— Так, а ну-ка, — подхватывает Брайен подмышки Вирджинию и буквально выталкивает из кресла.

Всё это выглядит как какая-то игра, но только не для меня, чувствую, что меня прижали-таки к стенке.

— Отпусти, Брайен! Немедленно, или я обижусь, так и знай, не дождёшься от меня восстановливающих процедур, понял?! Умирать будешь — не подойду!

Но Брайен даже не слушал, и её слова как горох об стену. Брайен плюхнулся на место Вирджинии и пристально уставился на меня. Парни настолько существа собственнические, что, скорее всего, увидели во мне конкурента, когда единственная девушка в команде уделила внимание незнакомому юноше. Их можно понять, но проблема в том, что я таковой и не являлась, только это тайна. И если хоть на крупицу покажу свой страх и растерянность, то всё — меня так и будут шпынять, если пойду на попятную, то ещё больше разожгу чувство конкуренции. Ни того, ни другого мне не хотелось. Одно хорошо, они не видят под маскировкой, кто я, а значит, на этот счёт можно не беспокоиться. Но это всего лишь первокурсники, а встреча с опытными магами ещё впереди.

Поэтому, спокойно откинувшись на спинку сиденья, уверенным взглядом окидываю всех троих, давая понять, что запугать им меня не получится.

— Хорошо, я докажу, — соглашаюсь я, возвращая взгляд на Брайена, — но тогда покажешь, на что ты способен, и мы узнаем, кто из нас действительно достоин уважения. Договорились? — приподнимаю вопросительно бровь.

Повисла тишина, воздух будто загустел, и стало даже душно. На миг взяло сомнение, но я не позволила ему завладеть мною, чувствуя, как рубашка липнет к телу.

— С чего вдруг я должен это делать? — наконец произнёс Ламберс. — Да и кто ты такой, ещё не адепт Корсоворна, а уже условия ставит, — фыркнул Брайен, но уже заметно остепенился.

Конечно, я понимала, что ступаю на тонкий лёд, под который могу провалиться в любой момент, но сейчас решалось всё: либо я впишусь в их компанию, либо... стану объектом насмешек.

— С того, что, не зная человека, нельзя судить о нём плохо и делать поспешные выводы, — уверенно продолжила я, стараясь держать спокойный тон голоса. — Мы здесь все для одного и того же — стать лучшими и достичь своих целей. Но только по-настоящему сильные могут признать свою неправоту и дать шанс другим проявить себя.

Ребята переглянулись между собой, обдумывая мои слова. Насмешки в их взглядах стёрлись, уступая место любопытству.

— Уважаю, — рыжеволосый состроил одобрительную гримасу, за что получил подзатыльник от главы команды, уже понятно, что им являлся Брайен.

— Вирджиния, а ты ещё говорила, что я зануда, кажется, у меня появился конкурент, — усмехается Брайен.

— А что, вполне гуманное отношение, уважение к человеческой личности и... — рыжий получает очередной подзатыльник от блондина.

— Заткнись, Джеймс, — злится Брайен, затем переводит взгляд на меня. — Ладно, договорились, — соглашается Ламберс.

Наверное, они сейчас все ожидали, что я стану демонстрировать свою магию, делая всякие выкрутасы, но вместо этого я открыла сумку и извлекла оттуда один из конвертов с печатью Академии.

— Что это? — морщится воздушник, беря конверт в руки, открывает и читает. Рыжеволосый парень по имени Джеймс поправляет очки и тоже склоняется над конвертом.

— Ого, все баллы высокие, — констатирует он.

— И что? Это только бумажка, — фыркает темноволосый.

— Я с тобой согласен, Коул, — бросает ему Брайен, возвращая конверт мне.

— Ребята, ну хватит уже, — вмешивается Вирджиния. — Вы получили то, что хотели, отстаньте от парня.

— Это подтверждение, что я не вру и меня ждут в Академии, — спокойно отвечаю я, возвращая в сумку конверт, молясь всем богам одновременно, чтобы от меня теперь уже отстали. — Теперь твоя очередь, показывай, насколько ты умелый маг.

Брайен скривился, окидывая меня таким взглядом, будто я не достойна чести наблюдать это, и явно хотел возразить и отказаться от своих слов, но все смотрели на него с ожиданием, и он вынужденно согласился.

Поскрежетав зубами, Брайен метнул взгляд в сторону иллюминатора, видимо, что-то задумывая совершить.

А следом произошло нечто жуткое.

Оглушительный взрыв, раздавшийся откуда-то позади, был такой силы, что я успела только закрыть лицо руками и увернуться, чтобы стёкла разбившегося вдребезги окна не попали мне в лицо. Парней, что стояли возле кресел, отбросило к другой стене, где-то рядом вскрикнула Вирджиния.

Уворачиваясь от пронизывающего ветра, который хлестал из пробоины, я привстала. Прямо на полу посередине лежал кусок льда. Я даже и звука не могла произнести от шока, впрочем, как и все остальные.

— Ты цела? — Джеймс помог Вирджинии подняться, потеряв где-то свои очки.

— Ты что творишь, Брайен, с ума сошёл? — сквозь зубы, чтобы никто не услышал, рыкнула Вирджиния, перепугавшись напрочь, как, впрочем, и все пассажиры, что попрятались за спинки кресел.

— Я ничего не делал, — огрызнулся Ламберс, стряхивая осколки с одежды. — Твою же... — побледнел Брайен, увидев кусок глыбы. — Ребята, это честно не я.

— Конечно, не ты, — подхватила Вирджиния, убирая с лица золотистые локоны, гневно сведя брови, и хотела ещё что-то добавить, но разумно сдержалась.

Весь экипаж оцепенел, только слышались скрип тросов и вой усиливающейся бури, а в следующий миг из кабины управления вылетел контролёр. С побелевшим от страха лицом.

— За бортом ледяная буря, — проговорил замороженно, оценивая масштабы повреждений. Вытащил платок и вытер им лоб, сбивая головной убор. — Мы должны попытаться стабилизировать корабль и отойти подальше от центра опасности. Все оставайтесь на местах и ждите дальнейших указаний!

Оцепенение охватило всех, и время, казалось, замедлилось. Ветры, врывающиеся через пробоину, становились всё сильнее, потрясая корабль словно бумажную игрушку. Паника начала тихо распространяться среди пассажиров, звучали встревоженные голоса и дрожащие вопросы. А внутри меня что-то дребезжало, силясь вырваться.

Джеймс, по-прежнему крепко держа за руку Вирджинию, бросил полный стеклянного страха взгляд на пробоину, а затем на скрывшегося в дверях контролёра.

— Что теперь будет?! — прошептал лишь.

В бок дирижабля что-то с силой ударило, будто невидимый ледяной кулак, и всех пассажиров снова встряхнуло, как груши на дереве. Я ударилась больно плечом обо что-то твёрдое, приземлившись на кого-то из парней сверху. И придавила бы, если бы не тонкие кости и девчачий вес, поэтому Брайен отделался лишь синяком на лбу.

Впрочем, он не успел этого заметить, а я — толком испугаться, дирижабль сильно накренило.

— Проклятье, мы падаем! — кто-то завопил, и тут у меня сердце ухнуло в ледяной колодец. Дирижабль начало раскачивать так, что нас мотыляло по всему салону.

Недаром у меня было плохое предчувствие.

— Мы умрём! — завопил Джеймс.

Как это “умрём”?! Я что, напрасно проделала такой путь, чтобы вот так разбиться о камни?! Подступившая паника и осознание неминуемой гибели охватили с головой. Ну уж нет.

Ветер завывал через разбитые стёкла, я бросила взгляд на иллюминатор. Дирижабль начал снижаться на посадку, только слишком быстро, видимо, были серьёзные повреждения.

— А порталными путями нельзя воспользоваться?! — кричу я через шум Вирджинии, которая, ухватившись за темноволосого Коула и стараясь удержать равновесие, пыталась закрыть очередную трещину в окне каким-то простеньким заклинанием.

— Мы первокурсники, нам ещё это не под силу! — прокричала она в ответ, перекрывая грохот за бортом.

— Но ведь должна сработать безопасность?!

— Ледяные бури случаются крайне редко, в основном в более суровых областях, — ответил Джеймс. — Здесь все системы безопасности заточены под другие угрозы.

Ответ исчерпывающий, впрочем, для негодований не было времени. Если мы что-то не сделаем, то разобьёмся. И я больше никогда не увижу маму...

— Ну и как твоя бумажка поможет нам спастись, Кристоф, а? — язвительно даже в такой момент замечает Брайен.

Я закусила губу, вновь взглянув на иллюминатор, в который швыряло вихри снега и льда, словно кристаллы. Волны урагана плескались по борту корабля, и судно мотало из стороны в сторону, как болванчик.

— Ты ведь маг воздуха, можешь управлять потоками? — повернулась к Брайену.

Ламберс смотрел на меня, в его взгляде металось сомнение, не в своих способностях, а в том, стоит ли отвечать мне, но наконец он кивнул.

— Могу, но если там пробоина, то сил не хватит... — сглотнул.

Оторвавшись от стены, хватаясь за сиденье, потянулась к другой стороне дирижабля, приближаясь к иллюминатору. Нужно было оценить масштабы катастрофы.

Холодные потоки хлестали больно по лицу, трепали волосы, и мигом пальцы обледенели, когда я ухватила за края иллюминатора, оставляя порезы на руках от битых стёкол.

Я не надеялась что-то увидеть, но мелькнул в снежных потоках баллон. Как и предполагалось, он был пробит осколком льда в нескольких местах.

Сглотнув подступивший ком, я глянула вниз, но ничего не увидела, кроме тёмных силуэтов скал. Голова закружилась.

Действенные же леденцы, которые дала Вирджиния, или мой страх перешёл в ту стадию, где начинается высокая степень аффекта.

Как бы то ни было, а выбора нет, если не попытаться, то нас просто расплющит о камни, а потом долго будут собирать по частям.

— Кристоф, осторожно! — испугалась Вирджиния, когда ледяной осколок вращающимся лезвием вспорол воздух, влетев в иллюминатор и расколовшись о стену.

Баллон превращался в решето, и ни о каком плавном приземлении не могло быть и речи — мы стремительно падали.

Брайен вцепился в окно рядом.

— Есть мысли?

— Только одна, но я не уверен, что это сработает.

— Плевать! Что надо делать?

В горле пересохло, и мой голос был уже не таким уверенным и мужественным, как изначально, только никому сейчас до этого не было дела.

План был прост: призвать тьму, окутать ею весь баллон и наполнить воздухом. И, честно, я была не уверена. Не в том, что это не сработает, не испугается ли воздушник и вообще как отнесутся к этому другие. Не в том, что моя магия раскроется. И не в том, не навредит ли это им, ведь я до сих пор не изучила её поведение и природу. Тумарион говорил, что тьма поглощает, как бы не выкачать всю магию из воздушника и самой не перейти черту... Столько много деталей и так мало времени!

— Ну говори же! — страх кривил губы Брайена, он не хотел умирать, и каждый, кто находился на борту, — тоже.

Я быстро сориентировала его, что нужно будет делать. Брайен выслушал и даже ни капли не ступешался, посмотрев на меня уже безо всякой насмешки и сомнений. Он верил мне.

— Великая Омис, спаси нас, — всхлипнула Вирджиния, держа на весу потерявшего сознание Джеймса. Бедолага, сколько страха натерпелся.

Я отвернулась и, прислонившись спиной к стенке дирижабля, на миг прикрыла веки, чтобы сконцентрироваться, насколько это возможно при том, какой хаос творился вокруг. Но годы работы с астралом не прошли даром! Тьма потянулась с углов дирижабля, черными щупальцами скользя по полу, окутывая ноги пассажиров и все предметы.

Вирджиния, испугавшись, вскрикнула, увидев это своим магическим зрением.

Холод знакомо пробрал до кости. Только... тьмы было недостаточно.

— Нужен внутренний резерв, — пробормотала самой себе.

“Ну что, Кристан, кажется, пришло время его пробудить?”

Взрыв внутренних барьеров оглушает. Казалось, что меня выкинуло за борт, разорвав на мелкие кусочки, тьма заволокла зрение и всё тело, будто только и ждала своего часа, пролилась из моих рук густыми чернильными потоками, закрутила меня в воронку.

— Ох-ре-нет, — обронил Коул.

Вирджиния в ужасе распахнула глаза, уставившись на меня, Брайен держался рядом. Держался, чтобы не потерять бдительности и не упустить момента.

Чувствую, как внутри что-то растёт и ширится, одновременно утягивая меня будто в пучину, заполняя сознание чернотой, вязкой, холодной. Она топит все чувства и чувство страха, давая взамен что-то большее, могущественное... Тьма загустевшей магией хлынула наверх, сочась сквозь стены, окутывая баллон густыми потоками, принимая форму шара. В какой-то момент я едва не теряю контроль. Ничего ведь сложного — просто лепи из тьмы ту форму, которая нужна. Точно так же, как я лепила свой облик. Я почувствовала тяжесть, всё сложнее становилось сдерживать тьму в тисках своей воли, она рвалась разъярённой фурией на свободу, но я не позволяла, чувствуя, что надрываюсь, чувствуя, как тело может не выдержать.

Ещё немного...

Мои усилия не прошли даром, потоки упорядочились, придерживаясь той формы, которую я задала.

— Давай! — бросила я Брайену.

Тот развернулся и заклинанием подхватил воздушные потоки, направил в баллон. Дирижабль будто окунуло в сгустившийся кисель, смягчая полёт, а точнее, крушение, ведь земля была уже близко.

— Всё, больше не могу, — рухнул на пол Брайен.

— Получилось! — радостно провозгласила Вирджиния, но только рано.

Не хватило чуточку воздуха. Дирижабль не мягко приземлился, а грохнулся о скалу. С левого борта раздался стук, край судна раскололся на щепки. Я успела ухватиться за край окна, чтобы не сорваться с места.

— Кристоф!! — оглушил меня крик Вирджинии.

Поворачиваю голову... глаза расширяются, и в них отражается летящее на меня кресло, которое оторвало от стенки. Все звуки разом глохнут, грохочущее сердце перехватывает, а тело мгновенно наливается свинцом... Удар, мой глухой вскрик.

Тьма залила сознание, прежде чем дирижабль вошёл в сугроб.

7.

Было так тепло и мягко, что не хотелось открывать глаза и терять это ощущение. Всё осталось позади: страх, крушение, боль... Будто это был какой-то сон.

Не открывая глаз, прислушиваюсь к своим ощущениям.

Надо же! Чувствую себя отдохнувшей, по телу гуляют бодрость и лёгкость.

В какой-то момент я подумала, что дома, сейчас заглянет в комнату мама и позовёт на завтрак. Но я ведь не могла быть дома, и на дирижабль это не похоже, тогда... Где я? И этот настойчивый вязкий запах...

Реальность обрушивается на меня потоком ледяной воды. Шевелю пальцами, чувствуя на себе плотное одеяло, воздух густо пахнет лекарствами и травами. Медленно приоткрываю веки и смотрю в высокий белый потолок, украшенный ажурной лепниной, сверкающей позолотой, а в центре прямо из середины на золотистой цепочке висит такая же позолоченная люстра.

Это явно не мой дом. Поворачиваю голову чуть в сторону.

Высокое окно с розеткой в арке украшают зелёные портьеры, через которые сочится бледный свет снежной погоды. Архитектура окон была дворцовой, и я завороченно смотрела на витражную розетку.

Но больше всего меня поразила кровать, напоминающая королевскую. Рядом с кроватью резная тумбочка, на которой стоят пузырьки с лекарствами.

Моргаю, пытаюсь хоть что-то понять, но первая мысль опускает меня на землю:

«Меня... разоблачили», — сердце медленно покрывается корочкой льда, замораживая кровь.

Я шевелюсь и подтягиваюсь на подушках, понимаю, что что-то мешает двигаться, удивленно смотрю на свою руку, которая перемотана до самого локтя плотным белым жгутом, оставляя свободными только пальцы. С замиранием щупаю себя здоровой рукой, обнаруживая на себе белую пижаму из приятной мягкой ткани, на груди осталась маскировка.

Но меня явно кто-то передел!

Что же произошло? И где мои вещи?!

Вспомнив о них, я осмотрелась заново, приходя в себя, лихорадочно ищу сумку. Но тут ручка двери поворачивается, щёлкает замком. Я быстро возвращаюсь в исходное положение, прикрываясь одеялом.

В дверях появляется высокая, в просторном платье-балахоне, подвязанном поясом, женщина. Далеко не молодая, серебристые волосы собраны от лба к затылку в сплетённую из кос причёску, на лице с паутиной морщинок играет доброжелательная улыбка, глаза лукаво и молодо сверкают на меня за стёклами очков в серебристой оправе на цепочке.

Видеть женщину, с одной стороны, приносит облегчение, но с другой — настораживает. Не значит ли это, что всем стало известно, что в академию прибыл не Кристоф Линс, а беглая невеста дракона?

Во рту пересыхает, сжимаю одеяло до белых костяшек, слушая бешеный стук сердца. Невидящим взглядом смотрю за спину неизвестной госпожи, ожидая увидеть там дракона.

Женщина будто поняла, куда так испуганно уставилась я, обернулась на пустой коридор и поспешила закрыть за собой дверь.

— Ну что, отважный юный Кристоф Линс, как себя чувствуешь? Моё имя Эллионора Люм, я главный целитель Академии Корсоворн, — приятный, но твёрдый голос прорезает тишину и моё оцепенение.

— Терпимо, — отвечаю, стараясь сохранять уверенный голос, хотя это почти невозможно, госпожа Люм явно чего-то не договорила.

Она приблизилась и села рядом со мной на стул с круглой спинкой, поправив очки, открыла свой журнал, пролиستала серые страницы, что-то там пометила и, вложив перо, закрыла его, положив на свои колени, и посмотрела мне в глаза поверх очков.

— Хорошо, потому что действуют обезболивающее и стабилизирующее снадобья, — пояснила она. — Тебя доставили в академию в таком состоянии, что пришлось давать много снотворного.

Значит, я действительно в академии. Эта мысль взволновала, заставляя сердце в груди трепыхаться, и я едва сдержала эмоции. И это при том, что чуть не умерла.

— Сколько прошло времени? — интересуюсь осторожно.

— Около полутора суток, не много. У тебя сломана локтевая кость, небольшое сотрясение, но самое опасное — это то, что магия исчерпала огромный запас жизненных сил, которых хватило бы тебе на полгода, поэтому процесс восстановления медленный, хотя я сделала всё возможное.

Я опускаю взгляд, осмысливая услышанное.

— А что с другими? Они в порядке? — вдруг вспомнила про своих новых знакомых.

— Лучше, чем ты, — усмехнулась несса и посерьёзнела, смотря на мои волосы, глаза, нос, подбородок и шею, так что мне захотелось натянуть одеяло до самых глаз.

— У тебя тёмная магия, это... такая редкость, — за задумчиво произнесёнными словами невозможно понять, в чём она меня ещё подозревает.

Чувство было такое, что меня будто придавили к стенке, перекрыв воздух, это было более чем ощутимо. Я испуганно посмотрела на свою кисть, проверяя, что иллюзия держится, ведь если магия истощила меня, то... Но всё оставалось на месте, почти... Эффект уже не был изначальным, а снизился больше чем на половину, и я, скорее всего, сейчас походила если не на подростка, то на очень утончённого юношу.

— Что ж, Линс, — вздохнула Люм, мотнув чуть головой. — Я бы хотела, чтобы ты был со мной честным, — она взмахивает кистью, создавая звуконепроницаемый купол, судя по тому, как полупрозрачная световая волна проходит по воздуху вокруг нас.

— Кто ты и почему притворяешься тем, кем не являешься?

Треск фундамента надежды, что всё-таки мой пол остался при мне, был оглушительным. Сердце забило так, что, казалось, его слышно в коридоре. И хотя я предполагала, что меня разоблачат, всё-таки не была к тому готова. Перед глазами поплыло, а в желудке нехорошо сжало. Эллионора ждала моего ответа, но я не могла выдавить из себя ни звука.

— Я... — хрипло начинаю, отвожу взгляд. — Я не могу вам сказать, извините, — сжимаю в пальцах одеяло и прикрываю веки.

Ну вот. Сейчас она позовёт кого-то из комиссии, и меня выставят за порог в лучшем случае, в худшем — узнают, что моё имя вычеркнуто из всех списков, и отправят туда, откуда не будет возврата.

Люм наблюдала за мной без малейшего признака раздражения или нетерпения, когда как внутри меня поднимался хаос. Её глаза оставались живыми и полными интереса, как будто она ожидала не сухого признания, а чего-то более глубокого и искреннего.

— Никто не знает, кто ты, пока никто... — её голос был мягким и уверенным. — Я понимаю, что у тебя есть свой секрет, но я должна знать твою ситуацию, и, возможно, мы найдём лучший выход для нас обоих.

Я с трудом подавила порыв вскочить и бежать из комнаты, из этого звуконепроницаемого купола, который казался теперь ловушкой.

— Это не из желания навредить кому-то или академии, — поморщилась я, подбирая более убедительные слова. — Просто я попала в ситуацию, которая вынудила меня так поступить. Мне нужно учиться здесь, это мой единственный шанс, пожалуйста, не говорите никому, — поднимаю взгляд, полный мольбы.

Если целительница до сих пор никому не рассказала о том, что в академию явилась лгу-
нья, которая хочет всех обдурить, то шансы, что так оно и останется, велики. И я не могла этим
не воспользоваться. Хотя внутри чувствовала отвращение от собственных мыслей.

Целительница вздохнула, её выражение лица оставалось мягким и задумчивым.

— Ты меня вводишь в крайне неловкое и подрывающее репутацию положение.

— Простите, но мне нужно... скрыться от одного... человека, если он меня найдёт,
то уничтожит, — поджимаю губы, чувствуя, как кровь морозит, стоит только вспомнить эту
семейку Фарингрейвов, из-за которых я вынуждена страдать. На глаза навернулись слёзы. Разу-
меется, я понимала, что могу подставить уважаемого целителя, но я пойду на всё, лишь бы
избежать безрадостной участи.

— Что ж, причина веская, — соглашается она, немного подумав. — С такой магией ты,
видимо, очень значимая фигура. Как хотя бы твоё имя?

— Кри...стан, — ответила я тихо, опасливо косясь на дверь, будто не веря, что купол
может сохранить тайну.

— Кристан... И что же мне с тобой делать, Кристан? — проговаривает она задумчиво. —
Начинать обучение в Корсоворне с обмана — не самая лучшая затея, твоя магия очень сильная
и редкая, остаётся надеяться только на неё, иначе я не знаю, как тебе продержаться и не выдать
свой секрет в первые дни жизни здесь, здесь сильнейшие маги и ученики, будет сложно.

— Я знаю.

— Иногда больно и сурово...

— Понимаю это.

— Часто опасно.

— Да...

Пауза. Я комкаю одеяло, чувствуя, что так напряглась, что заболела вдруг повреждённая
рука.

— Поразительно, — больше с горечью, чем с радостью, заключает несса, пытаюсь
добиться от меня разумного ответа.

Но у меня нет другого выбора, и, к сожалению, она не знает, в какую скверную ситуацию
я попала, не знает, что пережила наша семья и в какой среде я выросла. Что мне известно,
что такое недоедать по вечерам, валиться с ног от усталости и считать последние копейки. И
пусть ситуация, в которую я попала, самая опасная, но я выйду из неё обязательно! Я просто
хочу жить, хочу спокойно жить своей жизнью и быть в безопасности, пусть сейчас я могу об
этом только мечтать.

Видимо, целительница что-то прочла в моём взгляде, кивнула.

— Ладно, Кристан, сделаю вид, что я не знаю твой секрет, уж не знаю, что у тебя за
ситуация, что ты так сильно рискуешь...

— Спасибо! Спасибо вам! — от радости я перебила нессу, готовая броситься в ноги.

— Ладно, — взмахивает она рукой, убирая невидимый купол, — тебе нужно хорошенько
подкрепиться, сейчас я велю принести еды, — она бросила взгляд на свой наручный артефакт,
поправляя очки, — а после тебя вызовут для знакомства. Мне придётся сказать, что ты пришёл
в себя, Кристоф, — улыбнулась она, подмигивая, — поэтому приготовься, предстоит сложный
разговор, ты у нас тут такой фурор произвёл.

— Фурор?

— Ты ведь целый экипаж спас. Все хотят познакомиться с юным героем.

Я осталась сидеть неподвижно на кровати, а Эллионора поднялась со стула, сказав что-
то ещё — я не разобрала, поглощенная собственными мыслями — и направилась к выходу.

Она ушла, а я моргнула, медленно опуская руку на кровать. Публичного внимания никак
не хотелось.

Прикрываю веки, дышу часто и глубоко.

— Проклятье, а ведь хотела быть незаметной, — произнесла вслух и вздрогнула, испуганно посмотрев по сторонам.

Но вокруг тишина и никого. Резко откинув одеяло, опускаю ноги на пол, застеленный мягким светлым ковром. Голова чуть закружилась, пустой желудок свело от голода. Неудивительно, что маскировка истончилась...

Перебарывая слабость, поднимаюсь. Привыкнув к вертикальному положению, наблюдая, как мебель и стены расплываются и снова становятся на место, я открываю тумбочку и выдыхаю.

Вещи были все на месте, оставалось надеяться, что их никто не трогал, но на всякий случай я всё проверила: письма академии, карта астрала, медальон... Всё цело. И всё-таки зря я их взяла с собой, что, если вещи будут проверять? Нужно отдать Тумариону. Застегнув сумку, закрыла шкаф.

— Куда он пропал? — нахмурившись, взглянула в окно и медленно прошла к нему.

Глаза слепили открывшиеся белоснежные просторы, кажется, я была где-то на третьем этаже, потому что ниже — площадка, обнесённая снегопадом, скрывающим многоэтажные зданиями, видимо, продолжение лечебного комплекса.

Еду принесли быстро, я даже не успела посетить ванную комнату, которая, кстати, была прямо за дверью с левой стены от окна.

Хоть и блюда в умеренных порциях, но очень разнообразные и безумно вкусные: сырный суп, кусочек пирога с мясом и грибами, фрукты и сок — подобной еды я даже и не пробовала, поэтому смаковала каждый кусочек.

Молодая девушка, что забрала пустую посуду, смотрела с любопытством, спросила, нужно ли мне что-то ещё, и покинула комнату. Немного отдохнув, я принялась собираться, ведь Эллионора сказала, что меня вызовут к ректору. Взяв в охапку свои вещи, отправилась в ванную комнату.

Сборы заняли достаточно много времени, во-первых, справляться одной рукой было неудобно. Во-вторых, посмотрев на себя в зеркало, которое занимало почти всю стену ванной комнаты, поняла, что я как-то и без того сильно бледна, дунешь — и упаду. Лицо настолько осунулось, что зеленые глаза казались огромными, бледные губы потрескались от сухости и шелушились, на лице и шее ссадины, которые потемнели до сливового цвета.

Быстро взяла себя в руки, а точнее, в одну, умылась прохладной водой и принялась собираться.

К счастью, взяла с собой сменную одежду: брюки кирпичного цвета и рубашку давно не модного кроя, так что непонятно, мужская она или женская. Замаскировав грудь, я облачилась во всё, что нашла, и попыталась придать, казалось, отросшим за несколько дней волосам хоть какой-то презентабельный вид. Укладывая в причёску, расчесывая пальцами назад воздушные пряди, пришлось даже смочить водой.

И стало очень даже неплохо, очень. Мне хотя бы нравилось то, что я видела в зеркале, а видела я привлекательного шатена с зелёными глазами, и все эти синяки и перебинтованная рука даже не портили, а наоборот, придавали мужественности образу столичного юноши.

И чуть не забыла про ароматное зелье. Натиралась я им тщательно, не пропуская запястье, шею, впадинку между ключиц. Ещё неизвестно, с кем предстоит разговор...

Едва я выхожу из ванной комнаты, как входная дверь раскрывается, и заходит в строгой форме парень. Он окидывает меня таким пристальным взглядом, что я едва удерживаюсь от того, чтобы поправить на себе одежду.

— Ты Линс? За мной.

Я бросилась к сумке, вытащив свои документы и письма, и поспешила за провожатым. Как бы я ни подготавливалась, а было безумно страшно. Я сжимала пальцы в кулаки и практически не видела окружение, оно растворялось в грохоте моего сердца.

Только мельком отмечала, что, покинув палату, мы вышли в просторный коридор и спустились по лестнице в вестибюль с диванами и зелёными комнатными растениями. Кажется, это не лечебница, а нечто вроде пансионата при академии. Здесь мне выдали мою зимнюю одежду и обувь, которые каким-то образом оказались в гардеробной.

Ледяной ветер в своём рьяном порыве пытался всё время скинуть с головы капюшон. А вот провожатому было хоть бы что: спасал строгий тёплый сюртук до колен со шлицей — разрезом на заднем нижнем крае, с широкими манжетами с нашивками, словно броня любого адепта. Он не пытался со мной разговаривать или что-то объяснять. Уворачиваясь от пурги, которая заметала всё вокруг, выхватывая высокие здания из серого камня. Довольно монументальная, без излишеств, архитектура, полная противоположность тому, как отделано изнутри.

Мы пересекли двор, который я видела из окна палаты, потом вышли в другой, более просторный, прошли по террасе с массивными колоннами и сразу повернули, нырнув в арочный проход в здании, вышли к парадной лестнице главного корпуса, п-образного строения, на нём красовались знамения и гербы Корсоворна, что трепала поднявшаяся буря.

Парадная лестница, возвышаясь перед ними, звала подняться и нырнуть наконец в укрытие.

По ней мы и поднялись, встречая преподавателей, которые косились в мою сторону.

Нас встретила роскошная парадная с зеленой ковровой дорожкой, ведущей к лестнице и стелющейся по ней до самого второго этажа. Здесь, как и в здании “пансионата”, такая же богатая лепнина на колоннах и высоком потолке, бархатные портьеры на огромных окнах красиво драпировались до самого пола, а бежево-зеленые тона придавали гармонии и шика обстановке. На стенах висели портреты в позолоченных рамах, видимо, основатели академии — я не успела рассмотреть.

Мы поднялись дальше наверх, прошли по длинному широкому коридору, украшенному люстрами, статуями и свисающими на каждом десятом шаге гербами, вызывающими мурашки по телу. Здесь учится элита королевства.

Адепт остановился перед впечатляющей дверью с табличкой, на которой золочеными буквами выгравировано: «Малый зал совещаний. Ректор Элтон Террас Гладстон».

Постучавшись, адепт замер, и я вместе с ним, когда за дверью послышалось разрешение. Открыв, провожатый выпустил меня.

Пребывая в крайне растерянных чувствах, я вошла в кабинет и стала мишенью сразу немалой группы людей. Пятеро из которых сидели за столом в центре.

И все они собрались ради... меня?

Совершенно не ожидая такого тесного приёма, я застопорилась, а страх от того, что при одном взгляде эти опытные взрослые маги разоблачат меня в два счета, поднял комок тошноты к горлу. Особенно пристально смотрел мутный мужчина с ядовито-жёлтыми глазами, как у дикого кота, и покрасневшими нижними веками.

— Я К-кристоф Линс, — представилась я комиссии.

— Проходи, сынок, не стесняйся, — пробасил мужчина, что сидел в кресле за главным столом, на вид до пятидесяти лет, с седой, аккуратно подстриженной бородой, в благородном сером сюртуке с уже знакомой металлической золотой сверкающей эмблемой в виде шестиконечной звезды с крыльями по центру на правом лацкане. Всё говорило о том, что это тот самый ректор Элтон Террас Гладстон.

Молясь, чтобы никто не заметил моих покрасневших кончиков ушей, я прошла вперёд под молчаливыми внимательными взглядами.

Гластон протягивает ладонь, опуская взгляд на конверты в моих руках.

— Ну показывай, Кристоф, что там у тебя.

Я неторопливо приближаюсь и отдаю документы, наверное, слишком быстро, тут же закладывая за спину руку, чтобы не показывать, как подрагивают пальцы от разыгравшегося волнения.

Ректор переложил конверты в своей руке, просмотрев содержание.

— Значит, ты и есть тот самый талантливый гений, который второй год подряд проходит подготовительные задания? Проверьте, несса Боулз, всё верно? — протянул конверты сидящей за длинным столом женщине с коричневыми, как тёплый шоколад, волосами и синими глазами, в строгом тёмно-синем сюртуке и с металлической брошью на воротнике блузки.

Она пересмотрела бумаги и бросила на меня тёплый одобряющий взгляд, будто несколько не сомневалась, что увидит меня.

— Добро пожаловать в академию, Кристоф Линс, меня зовут Офли Боулз, я декан магических архитекторов, именно я принимала ваши последние работы.

— Спасибо, — вернула я с улыбкой взгляд на женщину.

Она передала бумаги мужчине в коричневом сюртуке с выпирающими бицепсами под мундиром, с короткими черными волосами, густыми бровями и квадратным подбородком.

— Моё имя Дерек Боквуд, декан стихийников, — представился он.

— А почему же вы, молодое дарование, не прибыли раньше? Что вам мешало? — льдистые, но тёплые глаза ректора снова обратились ко мне. Он сцепил пальцы в замок, давая мне слово.

Почему? Сжимаю пальцы в кулаки. Как объяснить то, что мама прятала от меня письма?

— Дело в том, — откашлявшись в кулак, начала я, стараясь говорить уверенно, придавая голосу грубости, — что моя матушка хотела защитить меня от... большого мира, она думала, что знает, что для меня лучше, — виновато улыбнулась я, понимая, что лучше уже не придумаю. — Я узнал о вашем приглашении только недавно.

Гортанный смех раскатился по залу, вызывая оживление среди преподавательской комиссии. Я обернулась, наткнувшись на жёсткий взгляд.

— И как ты собираешься учиться здесь, если прячешься за женской юбкой, а? — грубый голос того мрачного типа с жёлтыми глазами заставил внутренне содрогнуться. А разум закричал: "Опасно, беги!".

Мужчина небрежно отбросил бумаги на край стола, кажется, даже не взглянув на них.

Я сглатываю, растерянно раскрыв рот, собираясь сказать явно что-то неразборчивое, но, к счастью, меня перебивает Боулз.

— Почему вы смеётесь? Хотите сказать, что у вас не было никогда мамы, господин Гэрэн, вам не известно, что значит материнская тревога и забота?

Казалось, воздух налился свинцом и давил меня к полу.

— Всё, что вы перечислили, это для слабаков. Корсоворн не терпит слабаков, — скривил губы в презрении этот Гэрэн. — И вы правы, у меня не было матери, и я этому рад. А тёмная магия под запретом.

— С чего вы это взяли? — возмущенно нахмурилась Боулз.

Мои колени предательски подогнулись.

“Всё, это провал, мне не учиться тут”.

И не видать свободы как своих ушей.

Боулз приподняла подбородок и сжала губы в строгую линию.

— Корсоворну нужны не только борцы, но и умные парни, которые способны плести безопасные магические пути. По всем показателям, Кристоф прошёл этот этап, он показал свои способности, и, между прочим, не только умственные, но и магические.

Мне казалось, что господина Гэрена ударили медным тазиком по голове, такое было у него выражение лица.

— Вы серьёзно хотите взять в академию этого хлюпика, у которого нет ни родословной, ни статуса, ни физических данных?

— И вы собираетесь исключить юношу только из-за этого? — не уступала Боулз. — Он спас целый экипаж! Который кто-то оставил без защиты.

Члены комиссии в этот момент зашептались.

— На что вы намекаете? — глаза лютого мужчины сверкнули, а кулаки сжались на столе.

— Лишь на то, что некоторые члены по защите проявили халатность, оставив свой пост. Если бы не вмешательство этого, как вы выразились, «хлюпика», последствия могли бы быть куда более трагичными. Вместо того чтобы наказывать его, стоит задуматься о том, чтобы дать парню хотя бы шанс, — Боулз твердо смотрела на собеседника, не отводя взгляда.

Мускул нервно дёрнулся на суровом лице декана, видимо, боевиков, а по столу пополз обжигающий трескучий лёд.

— Вам не кажется, что вы нарываетесь? — цедит сквозь зубы.

— Вы мне угрожаете? — дёрнула удивленно она бровью.

— Прекратите спор, — жёстко оборвал на полуслове Гладстон, и расползающиеся дорожки льда застыли. Все взоры обратились на него, и мой в том числе.

— Мы ещё разберёмся с этим. Вы, господин Гэрэн Варро и госпожа Боулз, если продолжите в таком духе, удалю вас из зала совещания. Всем ясно?

Вместе со скрипом «да» я слышала скрежет зубов декана.

Я так напряглась, что свело лопатки и сдавило в груди. И теперь только ожидала окончательного решения.

— Было бы всё в порядке, — пробурчал Варро, — ледяная буря случается раз в сотню лет, никто не ожидал, что она произойдёт.

— Повторю ещё раз, — терпеливо проговорил ректор, — мы вернёмся ещё к этому вопросу.

Элтон Гладстон шумно выдохнул через нос, собираясь с мыслями.

— За всю историю мы не нарушали правил и никогда не собирали приёмную комиссию дважды, к тому же для одного студента. Но нынешний случай это исключение из правил, тому несколько весомых причин. Однозначно у парня есть потенциал в магических способностях, пусть и тёмная магия редкость в нынешнее время. Конечно, это несёт некоторые сложности, ведь все уроки, практики и задания заточены под светлую магию. С другой стороны, Кристоф напомнил нам лишний раз, что нужно быть готовыми ко всему, — бросает он взгляд на Гэрена.

— Всё равно считаю, что это пустая трата времени и ресурсов, на его место могли бы взять куда более перспективного адепта.

— Не соглашусь, у академии достаточно ресурсов, чтобы вести любого адепта, — снова вмешалась Боулз.

Варро раздражённо сжал челюсти и отвёл взгляд.

— Кристоф Линс спас людей, и тут мы должны не только благодарить его, но и наградить, — добавляет она.

— Простите, но я не считаю, что это какой-то подвиг, прежде всего я хотел сам выжить, — справедливости ради признаюсь я, слыша свой неуверенный голос. Наверное, я действительно веду себя как хлюпик, но невозможно перебороть жуткое волнение, когда на тебя смотрят магистры.

— Вот именно, — подхватывает Варро, — мальчишка просто спасал свою шкур... эм себя.

— Это неважно, в любом случае Кристоф проявил отвагу. Меня интересует другой вопрос, — обратился на меня внимательный взгляд ректора. — Кем были твои родители?

Вопрос буквально застал врасплох, ладони мгновенно вспотели.

— Моя мама — обычная швея, а отец... — сердце подпрыгнуло куда-то горлу. — Мне ничего о нём не известно, — соврала я.

Гэрен Варро громко хмыкнул, ректор же снова наградил его хмурым взглядом.

— Мы поговорим с тобой ещё об этом позже, Кристоф. Итак, ваши голоса, прошу поднять руку, кто против, чтобы Линс учился в академии.

Вокруг поднялся шорох, но руку поднял только Гэрен Варро, что не удивило никого. А я была ошеломлена, ведь кроме него больше никто не высказал протеста.

— Хорошо, — откидывается на спинку кресла ректор. — Кто готов принять парня в ряды элиты, поднимите руку.

Первой подняла руку госпожа Боулз, за ней декан стихийников с заинтересованным взглядом, следом другие преподаватели, большая часть, несколько остались нейтральны.

— Хорошо. Ты принят, Кристоф Линс, — громко заключил ректор.

Моё сердце подпрыгнуло в радостном кульбите. Неужели я слышу те желанные слова, о которых так мечтала?! Просто не верится. От переизбытка эмоций даже перед глазами поплыло.

— Поздравляю, — искренне улыбнулась Боулз.

Единственный, кто сидел мрачнее тучи, это Варро, которому я встала костью поперёк горла. Кажется, от него стоит держаться как можно дальше, надеюсь, с ним я больше не столкнусь в Корсоворне.

— Теперь по поводу факультета, — продолжил ректор. — С тёмной магией хорошо бы в боевики.

Боевики? Чуть не закашлялась, не успев обрадоваться.

— Я против, — побагровел Гэрен. — Он сломается при первой же тренировке.

— Я не договорил, — строго добавляет Гладстон. — Согласен с господином Варро, что физически ты мало подготовлен, поэтому пока что пойдёшь на мужской факультет архитекторов, а там посмотрим, — заключает он и поворачивается к декану стихийников. — Господин Боквуд, принимайте адепта в свои ряды.

Мужчина с короткой стрижкой и мускулистым телом кивнул.

— На этом закончим, — взял Гладстон бумаги и протянул мне.

— Спасибо вам, — произношу, едва дыша от счастья.

Я смогла!

8.

— Подожди в коридоре, — просит Боквуд, и я не заставляю себя ждать, исполняя указание.

Выхожу из малого совещательного зала и удерживаю себя от того, чтобы сорваться с места и вспорхнуть до самого потолка.

“Я буду учиться здесь. Адепт Кристан Рейв, точнее, Кристоф Линс!”

Голова закружилась, а в груди не хватало места для фонтана эмоций. Не могу поверить, что мечта, которая казалась недостижимой, наконец-то станет реальностью. Конечно, поступить — это ещё не значит закончить, и впереди много сложностей.

Дверь за моей спиной вдруг со щелчком открылась, и в коридор вышел декан стихийников.

— Найт, проводи Линса к коменданту, — показывает ему какой-то бланк, — пусть даст форму, студенческий инвентарь, ключи от мужского жилого корпуса и комнату. Здесь всё указано, — отдает бланк и смотрит на меня. — Даже не знаю, можно ли это назвать везением, но ты удивил, хм... Линс... и перевернул с ног на голову весь преподавательский состав. Медаль тебе, конечно, никто не даст, но уважение заслужил, теперь главное не потерять его.

— Я же не один удержал корабль, магия Брайна помогла.

Серые глаза мужчины сузились, так что вокруг собрались заборные морщинки.

— Сегодня можешь отдыхать, Линс, и подготовиться к учебным будням, с завтрашнего дня ты в строю.

— Есть.

— Шагай, — хлопнул он меня по плечу совсем слегка, но ощущение, что на меня упал кирпич. Боквуд вновь глянул на меня, усмехаясь явно моим габаритам.

Опомнившись, я приняла беззаботный вид и направилась вслед за Найтом, который провожал меня везде, чувствуя на спине взгляд декана. Он не увидел во мне девушку, никто не увидел. Если это так, какова же реальная сила моей вынужденной тёмной магии?!

— Мне нужно забрать свои вещи, — догоняю я Найта.

В коридоре «пансионата» меня встретила Эллионора, когда я вышла уже со своей сумкой.

— Как?! Уже так скоро? — возмутилась она на Найта, будто он был причиной случившегося. — Я поговорю об этом с ректором, настаиваю, чтобы у него был облегчённый режим, без лишней нагрузки, — посетовав, вздохнула она и переключилась на меня. — Обязательно приходи после занятий на приём, есть ещё некоторая нестабильность в резерве и вопросы, которые нам нужно обсудить. А пока я выпишу справку, освобождающую от физических занятий до полного восстановления.

Задерживаю дыхание. Госпожа Люм до сих пор не выдала меня, а значит, я могу ей доверять. Но не полностью, никто не должен знать, кто я на самом деле и от кого скрываюсь. С одной стороны, я чувствовала облегчение, что можно положиться на кого-то, но с другой — это большой риск. И неизвестно, какие последствия принесёт моё враньё. А обманываю я всех тех, кто мне поверил и дал шанс.

Стараясь сбросить тяжелые мысли, я кивнула, и вместе с Найтом мы покинули лазарет.

Найт как всегда шагал молча и не утруждался тем, чтобы рассказать, что где находится, поэтому приходилось просто угадывать, чем служит то длинное здание или та башня у крытой площади. И что это за многоэтажное, как дворцы, здание из красного камня, видимо — женское крыло, находившееся напротив мужского, из серых стен. Разумеется, это был не просто целый жилой комплекс, в центральный вестибюль, соединяющий два огромных корпуса, ничем не отличался от дворцовой парадной.

— Здесь женское крыло? — уточнила всё же я, но Найт посмотрел меня с такой ухмылкой, что покраснели не только уши, но и корни волос.

— Нет, условно здесь живёт элита из мужского сегмента. А здесь, — указывает на правое крыло, — полуэлита.

Впрочем, больше объяснений не понадобилось, всё достаточно понятно.

— И молодняк, — добавляет он. — А там, — указывает куда-то очень далеко, — женская часть.

— А там? — указываю в сторону башни и высокой каменной стены.

— Закрытый сектор.

Больше он ничего не стал говорить, потому что мы вошли в просторный вестибюль.

— Сейчас занятия, поэтому здесь тишина, — проговорил тихо Найт, и его голос утонул в вышине свода арочного потолка. — Ты можешь раздеться в гардеробной, она там, — указал в сторону резных двустворчатых дверей, — можешь ею не пользоваться, но только осторожнее, если Альберт увидит, что ты в верхней одежде поперся на этаж, выпишет штраф, — Найт снял с себя сюртук и повесил на локоть.

— Понятно, — последовала его примеру.

Он повёл меня прямо к гардеробной, точнее, к двери, что была рядом. Я шагала по мягкому ковру, оставляя снежные комья на нём, боясь вдохнуть.

Комендант по имени Альберт Стер оказался довольно зрелым полноватым мужчиной, и очень громким.

— Что за новенький?! Где?! — прогремел его голос, и я вышла из-за спины Найта.

Взгляд мужчины упал ниже, его массивные челюсти захлопнулись.

— Ты кого привёл?! — вернул взгляд на Найта. — Это мужское общежитие, балбес!

Найт хотел было ответить, но я опередила его.

— К-хм, простите, но никакой ошибки нет, я Кристоф Линс, — расправив плечи, насколько это было возможно с повреждённой рукой, заявила я.

Комендант недоверчиво сузил глаза и выдернул бланк из рук Найта. Опустил взгляд на него, потом снова посмотрел на меня — и снова на бланк, за это время я уже десять раз успела проститься с жизнью.

Как же так? Даже ректор не мог узреть во мне девушку, а здесь просто комендант, следящий за порядком...

Альберт продолжал изучать бланк, затем в последний раз перевёл взгляд на Найта, словно ожидая какого-то подвоха. Пауза затянулась, и в тишине, казалось, было слышно, как снег тает и капает не только с моей обуви, но и с волос на ковёр.

Наконец он тяжело вздохнул, вернул бланк и произнёс:

— Ладно, Линс, но только попробуй проблемы создать — моментально поселишься в подсобке!

Я кивнула, стараясь скрыть облегчение. Найт, похоже, тоже немного расслабился.

Комендант громко хмыкнул:

— Кристоф Линс, и откуда ты такой? А?!

У меня, кажется, даже уши начало закладывать от его голоса. Он всегда на последних словах повышает интонацию?

— Это тот самый теневик, спасший вместе с Ламберсом дирижабль, — принялся объяснять Найт.

— Это не Ламберс, а Лоботряс, будь моя воля, я бы всем ремня отсыпал! — открыл шкафчик, где рядами выстроились крючки, на некоторых из них висели ключи. — погоди, что ты сказал? — выгнул Альберт густую бровь, обернувшись.

Я выдавила из себя нечто наподобие смущения.

— Молодец, конечно, но что-то не смахиваешь ты на героя. Ладно, постарайся вписаться в коллектив, это всё, что от тебя требуется. Здесь, знаешь ли, учатся не то чтобы гордые орлы, а самые натуральные стервятники! Ты в Корсоворне, Кристоф Лис, — намеренно искажив моё имя.

Я переглянулась с Найтом, не понимая, шутит он или всерьёз говорит, но мой провожатый был совершенно спокоен.

— Я этих лис за версту, — положил ключ на стол, — вижу! — гаркнул он, и я вздрогнула.

Комендант садится за стол и записывает что-то в журнал.

— Расписывайся, — указывает пальцем на пустую строку.

Сглотнув, беру перо и пишу свою фамилию левой рукой, вспотев от напряжения, не совсем красиво, но, может, оно и хорошо.

— Форму заберёшь в технической, бельё и инвентарь в бытовой, — пододвигает ключ и табель. — Свод правил выучишь наизусть!

Я киваю и беру его, холодный и тяжёлый. Что же это за комната?

Вышли из кабинета и направились по коридору в правую часть.

— Не обращай на него внимания, его контузило на шахте, с тех пор у него со слухом проблемы и подозрительностью, но это издержки работы. Знаешь, тут всякое случается.

А я даже не сомневаюсь в этом. Интересно, случай, когда девушка притворяется парнем, первый, или уже были прецеденты?

Кладовая белья находилась на первом этаже, как и технический кабинет, где мне выдали целые коробки с вещами, которые я бы никогда не подняла с повреждённой рукой на второй этаж. Спасибо Найту, который по-человечески помог, загрузившись коробками. Посмотрела внимательнее на парня. Он был определённо старше меня, но ненамного, наверное, как Фарингрейв, и его уверенность в движениях сразу бросалась в глаза. Волосы мягкими волнами спадали на лоб, выражая некоторую небрежность, но в глазах читались ум и сосредоточенность.

Мы направились к лестнице, соответственно, в ту часть, где жила «полуэлита», и я чувствовала, как рука немного дрожит от напряжения, держа под мышкой коробку.

Я обернулась, посмотрев в сторону лестницы, где обитала чистокровная элита, её мужская часть.

Фарингрейв ведь поступил на второй курс боевой магии, а что, если он учится здесь?

В глазах как-то потемнело, и я схватилась за гладкие перила, отстав от Найта.

Я не подумала об этом раньше, да и не это меня волновало, единственным местом, где я могу получить все разрешения и создать магический путь, был Корсоворн. Даже если он учится здесь, что, скорее всего, это не должно меня тревожить. Вряд ли мы будем пересекаться.

Я на это очень надеюсь. И вряд ли он будет искать меня здесь, под своим носом.

Невольно закралась мысль погрузиться в астрал и выяснить, где сейчас находится дракон, но я тут же отмела эту идею. Я ещё слишком слаба после кораблекрушения, и пользоваться астралом в стенах академии небезопасно, вдруг здесь стоят защиты, которые поймают меня, едва выйду в тонкий план?

Пока я думала обо всём этом, парадная дверь в вестибюль распахнулась, привлекая мой взгляд.

В холл вошла целая группа студентов, а точнее, трое. По одному взгляду на них было понятно, что это часть той самой чистой элиты. Не иначе как короли мира.

Но самым, как мне показалось, внушительным был брюнэт, высокий, широкоплечий, лица не разглядеть из-за того, что тот стоял против дневного света, что лился через окна. Сюртук был нараспашку, будто снега и холода для него не существовало, он сам был как из холода. Безупречный, обжигающий и богоподобный. Почему-то именно эти слова приходили мне на ум.

Если бы Лика была сейчас рядом со мной, то наверняка бы заверещала от восторга, почему-то подумалось. Да и не только Лика, думаю, при виде этого олицетворения эталона мужской красоты и благородства. Если бы не то, как он смотрит на этот мир свысока. Баловень судьбы, не иначе, ему никогда не приходилось думать о хлебе насущном, и наверняка есть всё, что можно только пожелать. Наверняка тают не только студентки, но и большая часть женщин преподавательского состава.

Странную волну покалываний между лопаток и дрожь в теле я проигнорировала и будто в гипнозе смотрела на брюнета, который небрежно скинул с плеч новенький, черного цвета с золотыми нашивками Академии сюртук, бросил пепельному блондину, тот подхватил и понёс в гардеробную.

— Пока тебя не было, тут целая трагедия разыгралась, — сказал ему второй, с волнистыми каштановыми волосами парень.

— Новенькие всегда привлекают внимание, — бросил брюнет.

Его голос, едва коснувшись моего слуха, перехватил горло в напряжённом спазме. Совершенно точно я знаю его, но ум никак не хотел этого допустить.

— Согласен, вечно лезут куда-то, этот новенький, кажется, нацелен создать себе репутацию.

Я недоуменно подняла брови, понимая, о ком они говорят. Однако волна тревоги, охватившая меня, не позволяла сосредоточиться как следует.

— Ты долго, опять отец нагрузил?

— Да, возникли некоторые проблемы, хотел вернуться раньше, но не вышло, — в голосе брюнета послышалось напряжение.

Тряхнула головой, разгоняя туман, в то время как эти трое направились к лестнице, я хотела уже поспешить за ушедшим вперёд Найтом, но в этот самый момент жгучий брюнет поднял взгляд, и я увидела его лицо.

Эти карие, с кипящей лавой подо льдом глаза будто заранее вынесли смертный приговор, навсегда отпечатались в моей памяти.

Кариан Фарингрейв, мой истинный, нашёл меня.

Страх льнёт к телу, мороза спину, слабость проливается в конечности, и коробка, которую я держу под рукой, вдруг летит на пол, упав на порог, кувyrкается вниз...

И рухнула прямо под ботинок Кариана.

Воздух застыл, и только слышалось моё бешеное сердцебиение. Я перестала дышать, не в силах совладать с собственным страхом.

Взгляд Фарингрейва пробежался по мне, и стоило невероятных усилий удержать себя на месте и не убежать, не отвести в панике взгляд.

— Так это и есть тот самый новичок? Да уж, разговоров больше, чем поводов, или я чего-то не понимаю? — хохотнул шатен

Я перевела на него взгляд, потом вернула на дракона, чувствуя, как меня начало трясти, как начали трепетать крылья носа. И дракон будто что-то почуял, его глаза потемнели.

— Не понимаешь, Алекс, — спокойно ответил, слегка прищутив глаза, Фарингрейв, звуча своим бархатистым голосом. И это был не астрал, он находился в нескольких шагах, а его аура теснила мою куда-то в сторону бетонной стены, и оставалось молиться, чтобы он не увидел маскировку. — Иногда важен не внешний вид, а то, что скрыто внутри.

“А-а, о чём это он?” Кажется, пришла очередь паниковать. Что же за день сегодня? И нужно мне было задержаться! Нет, не позволю ему запугать себя.

— Совершенно точно, смелость — редкое качество, — проговорила твёрдым голосом. Боже, что я говорю, но неожиданное желание поддеть этого высокомерного и самоуверенного ящера, который думает, что ему можно обращаться с живыми людьми как с вещью, было неодолимым.

Широкие плечи дракона напряглись, взгляд вонзился в меня раскаленными углями, и воздух моментально стал тяжелее. Я приготовилась к чему-то угрожающему моей жизни, но...

...Фарингрейв, с лёгкостью поддев коробку носком, подбросил словно мяч, поймал её в руки и пнул в меня, так что пришлось её поймать, когда она впечаталась в грудь.

— Главное, достоинство не урони.

Его дружки засмеялись, для них это было всего лишь развлечение, как, впрочем, и для самого дракона.

Фарингрейв расслабленно прошёл мимо, обдав меня прохладными зимним воздухом, смешанным с ароматом его тела. Который произвёл на меня совершенно неожиданный эффект. Меня будто пьянило, и я, сжав коробку, чтобы снова не уронить, прикрыла веки. Это был совершенно необычный тягучий клевер с морским бризом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.